

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУР

(Тезисы докладов и сообщений)

Москва 1971

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУР

(Тезисы докладов и сообщений)

Москва 1971

Под редакцией
В.И.Злыднева, Л.С.Кишкина, Д.Ф.Маркова,
С.В.Никольского

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

1. Марксистская теория сравнительного изучения литератур в советской науке имеет немалые завоевания. Серьезным толчком к ее разработке послужила конференция о взаимосвязях и взаимодействии национальных литератур, проведенная ИМЛИ им. А.М.Горького АН СССР в Москве в 1960 г. Конференция носила в основном обменометодологический характер, как бы расширяя пути для широкого развития конкретных исследований. При наличии определенных завоеваний в этой области все же существует ряд нерешенных, опорных вопросов, имеющих важное теоретическое значение и требующих дальнейшего обоснования. К ним относятся: понятие сравнительного изучения литературы, основные типы сравнительных исследований, их разграничение и связь. В докладе анализируются взгляды видных советских ученых по этим вопросам. Автор доклада придерживается позиции, согласно которой сравнительное изучение литератур охватывает основные типы литературных отношений — и связи, и типологические сходства, которые различаются, имеют свою специфику и в то же время взаимопроникают друг в друга.

2. Сравнительному изучению литературы доступны все сферы литературного развития, все эстетические категории — художественные методы, направления, конфликты, характеры, обстоятельства, различные формы, жанры, стили, отдельные произведения и т.д. С этим связаны возможности проведения многоаспектного, разностороннего дифференцированного анализа, осуществление которого составляет одну из важнейших задач современной литературоведческой науки. Возможности эти могут быть объективно реализованы лишь на основе марксистской методологии.

Мы отвергаем принципы буржуазной компаративистики, основывающейся на сопоставлении внешне-формальных элементов, принципы структурализма, рассматривающего худо-

художественное произведение как зашпигу в себе самой структуру. Маркопостский путь сравнительного последования литературных явлений — это путь раскрытия их вторичнокон обусловленности и эстетической функции, диалектического единства общего и особенного в них.

3. И литературные связи, и типологические сходства носят исторический характер, по-разному выступают в разные периоды. И это служит основой для возможного построения истории литературных отношений двух или более стран. При этом следует подчеркнуть, что история не требует непременно синхронности сравниваемых фактов и процессов, она требует установления сходств, родственных обществено-исторической и литературной обстановки, способствующей возникновению, по словам А.Н. Веселовского, "потречных течений". А родственность такого рода в двух или нескольких литературах может проявляться в разное время, с интервалами в десятки лет.

4. Каждый историк национальной литературы, если он не просто регистратор фактов, в той или иной степени пользуется сравнительной методологией, поскольку с ней связаны важные пути последования актуальных проблем/ традиций и новаторство, литературные влияния, направления, методы, отливные течения и т.д./ . Правомочно, например, последовать системы жанров определенных периодов, типологию направлений, стилей и др.

Сравнительное изучение нескольких литератур и связанное с ним изучение закономерностей мировой литературы, как правило, широко опирается на научные истории национальных литератур, но эти последние, к сожалению, крайне недостаточно пользуются результатами сравнительных литературных исследований. Далеко не всегда возникает взаимодействие различных областей литературоведения.

5. Главная задача сравнительного последования литератур состоит в установлении закономерностей литературного развития во всей его сложности и противоречивости, в многообразных соотношениях и борьбе различных идейно-эстетических тенденции в границах одной национальной литературы, а затем и в широких рамках всемирной литературы.

Очень важными в этой связи представляется раскрытие содержания тех, как мне кажется, походящих взаимозависимых понятий, без ясного представления о которых невозможно объективно ориентироваться в последовании: "художественный прогресс", "мировая литература", "единство национально-специфического и общего".

6. Одной из важнейших сфер литературоведческой науки является сравнительное изучение славянских литератур. В них с особенной глубиной и яркостью проявляется многие закономерности мирового литературного развития. Объясняется это, во-первых, исторической близостью славянских народов с древнейших времен, с чем связана ситуация конденсированного, определенно выраженного проявления закономерных тенденции; во-вторых, тем, что все эти литературы входят ныне в новую общность социалистических литератур мира, находятся в авангарде борьбы за подлинный художественный прогресс современной эпохи. И потому сравнительное изучение славянских литератур имеет принципиально важное теоретическое и методологическое значение.

7. На основе оценки результатов современного сравнительного изучения славянских литератур в докладе делается попытка подчеркнуть, хотя бы по основным линиям, некоторые актуальные проблемы и задачи нашей дальнейшей работы:

а/ Изучение связей славянских литератур — завоевания и задачи. Необходимость более широкого изучения связей славянских литератур с неславянскими — западно-европейскими и балканскими/проблема балканской общности/;

б/ Исключительно важны результаты сравнительного исследования древнеславянских литератур, представляющих собой сложное единство. Решение ряда проблем в работах видных советских и зарубежных ученых по освоению значения выходит за рамки собственно древнеславянских литератур. Эти работы утверждают реальные процессы переплетения, взаимодействия литературных связей, влияния, с одной стороны, и типологических тенденции, с другой; очень важна также методология изучения литературы в связи с другими

видами искусства, с культурой в целом и др.

в/ Одна из важных проблем — формирование славянских литератур, как литератур национальных. Сделано по этой проблеме не мало, особенно в плане изучения связей славянских литератур, прежде всего их связи с русской литературой. Есть отдельные последования сравнительно-типологического характера, посвященные таким крупным направлениям, как романтизм, реализм. Очевидно, такие последования такого типа должны быть расширены; существенно также создание работ, раскрывающих своеобразие становления национальных литератур в славянских странах в связи с мировыми литературными процессами. Новых обобщений требует проблема взаимодействия славянских литератур, общности идейно-эстетических тенденции, обусловленных фактором национально-освободительной борьбы, которую вели многие народы.

г/ Большой научный интерес представляет развитие славянских литератур в конце XIX — начале XX в. своеобразие литературных течений в связи с фактором ускоренного развития литератур, общие черты и национальные особенности реализма, его соотношение с другими направлениями — это только часть вопросов, которые еще предстоит нам исследовать в сравнительном плане.

д/ Важнейшая из проблем — сравнительное, причем, пожалуй, прежде всего типологическое, изучение революционно-социалистических литератур славянских стран. В силу определенных исторических обстоятельств в России еще в начале нашего века утвердились принципы литературы нового типа — социалистического реализма. Интенсивно развивались эти процессы и в других славянских странах, в особенности в период после Октябрьской революции. Сравнительное изучение литератур социалистического реализма по-прежнему важно потому, что оно ведет к установлению закономерного места этих литератур в качестве главного направления мировой литературы современной эпохи. Исследования такого характера ведутся, но их еще мало. Необходимо объединение усилий ученых для широкого и всестороннего решения этих проблем.

а/ Проблемы исторической поэтики славянских литератур.

б/ Изучение славянских литератур в связи с другими видами искусства и с культурой в целом; в связи с фольклором. Комплексность исследований.

8. Общее значение ориентальных литературных исследований в связи с современной идеологической борьбой в мире.

Д.С.Лихачев

СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ ОТЛИЧИЯ РУССКОГО БАРОККО ОТ БАРОККО ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН

Вопрос о том, было ли или не было барокко в русской литературе XVII века и каковы был его характер, вызывает большие споры в науке и перекликался далеко за пределами нашей страны.

Первый, кто писал о русском барокко XVII века был Д.В.Пумпянский. В его статье 1937 года "Традиционализм и немецкая школа разума" был впервые применен термин "барокко" в отношении русских литературных явлений конца XVII — начала XVIII века/ хотя этот термин Д.В.Пумпянский и употребил тогда еще с большой осторожностью/ и установленны многие факты связей русской литературы с так называемой второй славянской школой — явлением немецкого барокко.

Наиболее полно русское барокко XVII века было последовано и охарактеризовано И.П.Грешини в статье 1948 года "Поэтический стиль Симеона Полоцкого" и в другой статье 1953 года "Симеон Полоцкий — поэт и драматург". Наиболее широко применяя термин барокко к русской литературе XVII века венгерский литературовед А.Андьял в книге 1961 г.

"Die slawische Barockwelt". Наконец, наиболее теоретично был поставлен вопрос о барокко в России XVII века чешской исследовательницей С.Котхавцеровой в ее докладе на VI Международном съезде славистов в Праге в 1968 году.

Каковы же с нашей точки зрения особенности русского барокко XVII века в целом в отличие от барокко в других

славянских и неславянских странах?

Барокко, как известно, определяется не только совокупностью формальных, стилистических, тематических и иных признаков, но и своей историко-культурной ролью, своим историческим положением между ренессансом и классицизмом. В отличие от барокко других стран русское барокко не имело предшествующей ему стадии ренессанса. Были только отдельные элементы ренессанса, по преимуществу заимствованные, хорошо выявленные в последованиях последних десятилетий.

Поэтому по своей исторической роли барокко было совсем иным в России, чем в других европейских странах, где стадия ренессанса была закономерной и где барокко органически вышло из ренессанса. В частности, отсутствие в России ренессанса поставило русское барокко в иное отношение к средневековью. В тех странах, где барокко явилось на смену ренессансу, оно знаменовалось частичным возвращением к отдельным элементам средневековья в стиле и мировоззрении, особенно на первых порах своего развития, когда оно было связано с реакцией на ренессанс, с возрождением феодализма. Русское барокко не возвратилось к средневековым традициям, а продолжало их, частично и "эволюционно" их изменяя. Влияемость стиля, "плетение словес", любовь к тератологии и к контрастам, формальные увлечения, идея "оуети оует" всего оуместившего, хронографическая поучительность исторических сочинения и многое другое — все это не "возродилось" в русском барокко, а явилось в нем продолжением своих местных традиций. Вместе с тем все эти признаки средневековой литературы не просто продолжались в барокко, но, как увидим в дальнейшем, менялись в своем историко-литературном значении и в своей "содержательности".

Барокко приняло на себя в России исторические функции ренессанса.

Перенос в Россию из Украины и Белоруссии отдельных барочных произведений, переезд в Россию деятелей барокко, барочные влияния в России были облегчены тем, что барокко

/в этой функции ренессанса/ было необходимо в России, но это была иная необходимость, чем в западных странах, чем в Польше, Чехии, чем на Украине и в Белоруссии. Поэтому барокко приобрело в России совсем особый и отличный от других стран характер. Оно носило жизнерадостный, человекоутверждающий и просветительский характер. Первые две черты не отличались особенной глубиной, поскольку они не были достаточно подкреплены всем историческим развитием культуры, однако просветительский характер был для него очень характерен и устойчив. Русское барокко было связано со школой, с преподаванием и с секуляризацией культуры в целом. Эта последняя роль была совершенно не свойственна барокко на Западе, скорее наоборот - на Западе барокко было связано с возвращением к средневековой церковности. О просветительском характере русского барокко писал еще И.П.Еремин. Он же отметил, что просветительский характер русского барокко был "в духе наступающей петровской эпохи".

Между русским барокко и русским классицизмом нет отчетливой грани, - такой, например, которая существовала в странах на Западе. Барокко и классицизм в России были связаны между собой своим отчетливо просветительским характером. Поэтому-то исследователи часто не знают - отнести ли того или иного автора XVIII века к барокко или классицизму.

Барокко на Западе только в начальной стадии своего развития было тесно связано с определенными социальными кругами. В своем зрелом и позднем варианте оно было официально формализовано и поэтому могло служить различным социальным силам, как и различным вероисповеданиям.

Появившись в России уже тогда, когда на Западе оно стало более или менее распространенным повсюду и успело оторваться от своего социального происхождения, от своих социальных корней, - барокко в его русском варианте шло, в силу своей особой исторической роли, определенную социальную среду, которая его поддерживала и использовала в своей культурной политике.

Барокко в России было связано с абсолютизмом, с при-

деоринит кругами, но не всеми вообще, а теми, которые воспитывали царевича Петра, теми, которые воспитали и первых сподвижников Петра. Барокко в России с его просветительскими характером и обращением к Западу планомерно подготовляло петровские реформы.

Близкая ко двору среда интеллигенции была той самой средой, которая дала в конце концов деятелей петровских реформ и воспитала самого Петра.

Изучение среды, поддерживавшей в России культуру барокко, имеет существенное общепсторическое значение.

Н. Крутшкова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО РОМАНА XIX в.

I. Развитие романа XIX в. тесно связано с ростом реалистического искусства, является выразительным симптомом его углубления и расцвета. Исследование этого жанра в восточно-славянских литературах обнаруживает некоторые общие закономерности и специфические формы их проявления в каждой из национальных литератур. Однако нельзя пренебрегать к сравнительно-типологическому изучению романа вне учета реального наполнения терминологии. Если и сегодня существуют колебания в определении жанра/роман" или "повесть"/некоторых явлений крупного эпического масштаба в русской литературе/"Капитанская дочка" Пушкина, "История одного города", "Современная идиллия" Щедрина/, то в украинской прозе XIX века подобная терминологическая неустойчивость была обычным явлением. "Повестью" именовались нередко также произведения /"Доборацькі" А.Свидницького, "Микола Джеря", "Бурлачка", "Хмаря" И.Нечуй-Левицького, "Пережасні стежки" И.Франко/, которые и по своему объему, и по широте охвата общественных связей, и по полноте характеристики героев следуют отнести к типу социально-бытового или социально-психологического романа. Правоммерно рассмотрение подобных произведений в рамках романа и соответственное сопоставление их с русскими романами XIX в.

2. Различия в процессе становления русского и украинского романа связаны как с характером национального искусства каждого народа, так и с особенностями социально-исторических условий их существования. Мы видим, что, во-первых, данный жанр в русской и украинской литературах первой половины века развивается несинхронно, а во-вторых, украинская романистика идет своеобразными путями, не проходя всех стадий и разветвлений, характерных для русского романа.

Если тридцатые годы XIX века для русской литературы — это полоса активного расцвета романа исторического, а в 40–50 гг. с ростом натуральной школы и дальнейшим развитием реализма исторический роман вытесняется эпическими произведениями на темы современности, в которых ставятся сложные социальные, философские и психологические проблемы/романы Герцена, Тургенева, Гончарова, Достоевского, Писемского/, то в украинской прозе этого времени созданы лишь единичные образцы романа исторического/“Чорна рада” П.Кулиша/ и социально-бытового /“Дюборецькі” Ан.Свидницького/. Однако в 60–70 гг. здесь выдвигается на первый план народный роман, близкий к эпосу, рисующий яркие фигуры крестьян-протестантов/“Микола Дзеля”, “Бурлачка” И.Нечуй-Левицкого; “Хіба ревуть воли, як ясла повні?” П.Мирного, Ів.Билика/. В 80 гг. И.Франко создаст новаторские, эпические произведения из жизни рабочего класса /“Воя конструктор”, “Борислав опіється”/. Именно в этой области украинские романисты оставляют непреходящие ценности, являющиеся ценным вкладом в мировое искусство.

Психологическая разработка типов из интеллигентной среды в украинской романистике по сути начинается в семидесятые годы/“Хмари” И.Нечуй-Левицкого/. На новом уровне национального искусства, с учетом достижения русской эпической прозы революционно-демократического направления, романов Л.Толстого и Ф.Достоевского, возникают украинские социально-психологические романы/“Повія” П.Мирного, “Перехресні стежки” И.Франко/.

Признавая справедливость мысли М.Драгоманова о том, что “У своєму поступі українська література йшла одною

дорогою з російською, то забігати трохи наперед, то од-
стачи"І/, ми отмечаем и ряд своеобразных моментов в дви-
жении украинского романа XIX в., его характерные особен-
ности/глубина и сила психологической разработки народных
типов, превалирование формы романа-жизнеописания, романа-
истории поколения и др./.

3. Взаимодействия между русской и украинской литера-
турами являются особо устойчивыми, ибо они издавна основан-
ны на глубинных факторах социально-экономического, истори-
ческого и культурной близости. Здесь проявляются все основ-
ные типы взаимосвязей/историко-генетические, типологиче-
ские и контактные/, находя многообразные формы проявления.
Одна из них — это параллельное творчество украинских писа-
телей на украинском и русском языках. Особенно активно
участие прозаиков-украинцев в русском литературном процес-
се в 30-60 гг. прошлого века /русские сатирико-наблюдате-
льные романы Г.Квитки, романы Е.Гребенки "Чайковский",
"Доктор", многочисленные русские произведения Марко Вовч-
ка, в том числе романы "Дивая душа", "Записки причетника"
и др./.. Это один из особых путей взаимообогащения восточ-
но-славянского романа, способов обмена идеинными и художе-
ственными ценностями.

С другой стороны, украинский роман, будучи глубоко
самобытным по типам, конфликтам, по оригинальности форм,
красок, образных средств, в своем становлении и развитии,
исходя из национальных традиции, находит несомненную опору
и в опыте демократической, реалистической русской лите-
ратуры. По разному идет процесс творческого освоения до-
стижений русских писателей. Если идеи и эстетические прин-
ципы русской революционно-демократической мысли и литера-
туры составляют неотъемлемую часть духовной атмосферы, в
которой складывалось мировоззрение и эстетика П.Мирного,
И.Франко, Леси Украинки, входя в их "жизненный состав", то
гораздо сложнее, например, характер восприятия противоре-
чивого творчества Ф.Достоевского.

І/ Переписка М.Драгоманова з М.Бучинським, Львів,
1910, стр.229.

Многообразные формы творческого освоения опыта русских романистов должны быть изучены конкретно-исторически, в связи с движением национального литературного процесса, в свете тех требований, которые ставит эпоха перед творческой индивидуальностью.

В.И.Злыднев

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ КАК ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

1. В последние пятнадцать лет в советском литературоведении резко возрос интерес к изучению литературных контактов и потому проблема двусторонних и многосторонних литературных связей привлекает особое внимание. Повышению роли теории и методологии в изучении литературных взаимодействий содействовали проходившие научные конференции, что отразилось также в конкретных коллективных и индивидуальных последованиях.

2. В отличие от буржуазной компаративистики и от дореволюционного славяноведения марксистское литературоведение рассматривает литературные связи не в изоляции от социальных и общественно-культурных процессов, протекавших в жизни этих народов, а в тесной связи с ними. Более того, мы исходим из принципа, что социальными и общественно-культурными отношениями обуславливаются характер и степень литературных взаимоотношений. А это практически означает, что нельзя в изучении литературных отношений ограничиться одними литературными формами и даже литературными произведениями. Исследователь неизбежно вынужден включить в орбиту своего внимания общественные идеи, идеологию и культурные процессы.

3. Литература всегда была и остается явлением общественным, явлением постоянно изменяющимся и многообразным. А отсюда и связи носят многосторонний характер. Однако многообразие форм, видов и типов взаимоотношений не возникает стихийно или случайно. Здесь тоже есть свои определенные закономерности, которые необходимо выявлять. Одна из важнейших закономерностей состоит в связи процесса ли-

тературного о процессах общественно-культурных на разных исторических этапах. Для осуществления творческого взаимодействия литератур должна быть некоторая социально-историческая общность/принцип, выдвинутый Г.В.Плехановым/. Каждая историческая эпоха по-своему воспринимает наследие прошлого и потому разные стороны вступают во взаимодействие. В процессе взаимодействия нет пассивной стороны: литература, воспринимая идеи, принципы и формы, также активна в своей избирательной способности. При наличии резко обозначенных литературных направлений взаимодействуют близкие в идейно-художественном отношении течения и направления. Литературные взаимосвязи — явление историческое, изменяющееся в разные исторические эпохи.

4. Македонские литературные связи развиваются и видоизменяются по общим законам историко-литературных процессов. В то же время у них есть и некоторые свои особенности. Сущность их выявляется в определенной этнической близости, общности исторических судеб и языковой близости. На разных исторических этапах эти особенности проявляются по-разному. Как справедливо отметил Н.И.Копрад, интенсивность связей особенно возрастает "в моменты больших исторических поворотов", воздействующих на всю национальную жизнь народа или народов. В качестве примера своеобразия процессов литературных взаимоотношений остановимся на трех разных исторических эпохах: а/ на периоде этнических связей времени развития народности в XIV-XV вв., когда проходило второе южнославянское влияние; б/ на периоде формирования нации и становления национальной культуры — в конце XVIII и первой половине XIX в. и в/ на периоде социалистических революций, времени развития социалистических наций и утверждения социалистических культур.

5. Являясь частью общественно-культурного процесса, литературные взаимосвязи, в свою очередь, воздействуют на него. Они духовно обогащали литературу и народы, помогая сплочению прогрессивных сил. Литературные взаимосвязи славянских социалистических народов на современном этапе играют важную роль в мировом историко-культурном процессе, способствуя утверждению и развитию революционному

идеологии, способствуя развитию движения и высшим духовным ценностям коммунистического общества.

Н. И. Крашпол

ИТОГИ И ЗАДАЧИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ 1960-70 го- дов

1. В последнее десятилетие в русском литературоведении значительно расширилось сравнительное изучение славянских литератур. Это объясняется укреплением сотрудничества со славянскими социалистическими странами в области экономики, политики и культуры; общностью процессов, протекающих в их духовной культуре, а поэтому и общностью проблем, стоящих перед наукой о литературе; развитием сравнительного изучения в смежных науках /история, этнография, языковедение/; в общем развитии сравнительного литературоведения, что выразилось в постановке вопроса о мировом литературном процессе, взаимосвязях и взаимоотношениях литератур/ работа над потерей письменной литературы, конференция и опубличены по взаимосвязям и взаимоотношениям, типологии реализма, влиянии Октябрьской революции на мировую литературу и др./; проведшим в Москве, Софии и Праге Международными съездами славистов, которые подняли интерес к общим и общим процессам и явлениям в истории славянских литератур; разработкой теоретических проблем /о сущности сравнительного изучения литератур и его видах: историко-генетическом, историко-культурном и историко-типологическом; о формах теоретического сотрудничества народов, что особенно проявилось в фольклористике/.

2. В последнее десятилетие значительно расширился охват научных проблем. Были выделены для изучения новые вопросы, внимание ученых привлечено области литературы, которыми ранее занималось весьма мало. Интересные работы появились в области изучения древних славянских литератур по отношению к которым были высказаны важные идеи, как, например, положение о древней литературе как системе /акад. Д. С. Лихачев/. Внимательно изучались целые литератур-

ные эпохи, как Возрождение, Барокко, Просвещение, вызвавшие острые дискуссии/ работы И.Н.Голенищева-Кутузова/; исследователи стремились не только увидеть общее в славянских литературах о православии, но и национально своеобразное. Большую теоретическую и историко-литературную ценность имеет развитие исследования современных славянских литератур о роли Октябрьской революции в их обогащении и новаторском характере, о генезисе социалистического реализма, современного состояния литератур/ работы Института славяноведения и балканистики, Института мировой литературы, чл.-кор.Д.Ф.Маркова/. Проблемы изучения стали более разнообразными по своим типам. Так, славянские литературы стали рассматриваться в их отношении к мировому литературному процессу, к развитию других славянских литератур; творчество отдельных писателей стало сопоставляться не только с творчеством отдельных писателей других славянских или православных литератур, но и по отношению к общим процессам в развитии этих литератур. В разработке всех этих проблем все чаще и все плодотворнее стали сотрудничать ученые различных славянских стран.

3. В последнее десятилетие сравнительное изучение славянских литератур все более углублялось и поднималось на более высокий теоретический уровень. Это сказывалось в отходе от эмпиризма и фактографии, от общих рассуждений к выводам, основанным на обстоятельном изучении конкретного материала, в сравнительном изучении не только тематики, сюжетов и общего характера литератур, но и литературных направлений, жанров, тенденций и закономерностей развития литературы. Связи и влияния стали рассматриваться как более органичные явления жизни литературы, обусловленные внутренними потребностями развития национальных литератур /работы В.И.Злыднева, К.И.Ровды, сборники о связях двух литератур: русской и чешской, русской и польской и др./. Более многосторонне стали исследоваться процессы возникновения литературных явлений и закономерности развития литератур. Внимание уделяется не только общим процессам и явлениям, но и национально своеобразным /А.С.Кишкин/. Поставлены и новые проблемы/ историческое

поэтики, сравнительного откожедеиия п др. / . Русское литературоведение, как п советское литературоведение в целом доказало методологическое превосходство над советскими буржуазным литературоведением, хотя ему п оеиственны некоторые достижения.

4. Но в русском сравнительном изучении славянских литератур есть еще п недостатки. Устранение их п оставяют основную задачу развития такого рода изучения славянских литератур. Не всегда еще отличается простое сопоставление от сравнительного изучения. Не гияются еще часто п роль изучения связи литератур в сравнительном изучении. Необходимо еще углубление оного понимания сравнительного изучения, которое, возможно, следует называть сравнительно-историческим, чтобы подчеркнуть важность исторического подхода к литературе. Но всегда еще при выявлении общих процессов развития литератур раскрывается национально своеобразное проявление этих процессов. Сравнение нередко проводится лишь в области эстетических позиций писателей, мало внимания уделяется изучению литературных направлений п течений, жанров п стилей. При развитии типологического изучения не всегда выявляются их отношения к изучению генетическим п историко-культурным, которые порою недооцениваются, а между тем славянские литературные родствены по языкам п развивались в условиях тесных взаимосвязей. Внимание требует п проблема степени синхронности развития славянских литератур, а также проблема общности процессов развития в различных видах искусств. Нельзя забывать п постоянных взаимосвязей литературы п фольклора.

Г.Д.Вервее

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР НА УКРАИНЕ

/ 50 - 60-е годы /

1. Интерес к другим славянским литературам на Украине в прошлом. Первые попытки научного определения связей древней п новой украинской литературы с литературами восточного п западного славянства в первом половине XIX

века/ И.Срезневский, Н.Костомаров, И.Бодянский/. Интерес И.Франко и А.Потебни к вопросам сравнительного изучения славянской письменности. Накопление фактического материала и две основные тенденции его интерпретации в дооктябрьской филологической науке: общественно-эстетическая и формалистическая.

2. Опыт изучения контактных историко-генетических связей и типологических сходжений в их диалектической взаимнообусловленности/работы 20-50-х гг. - А.Белецкого, Н.Гудзия, М.Возняка, М.Ридьского, И.Свяццкого, А.Шафран и др./. Главнейшее направление в области изучения славянских литератур на Украине в 50-60 годы/ в том числе и как результат определенных литературоведческих традиций/: украинская литература среди других литератур славянского мира, типология литературных направлений, школ, направлений структур, разработка теоретических вопросов сравнительного литературоведения.

3. Координация научных исследований в области славянского литературоведения на Украине, в СССР. Опыт совместной разработки междисциплинарных литературных связей с зарубежными научными центрами. Общий обзор результатов исследований украинских славистов. Роль украинских научных изданий/"Міжслов'янські літературні взаємини", "Слов'янське літературознавство і фольклористика", "Українське слов'янознавство"/ и ежегодных славистических научных конференций в повышении интереса к сравнительному изучению славянских литератур.

4. Работы А.Белецкого и В.Жирмунского как основа теоретических исследований проблем сравнительного литературоведения на Украине. Использование опыта зарубежной филологической науки, в том числе и так называемой структуральной компаративистики/Д.Географ, Г.Маркесч, М.Якубец, Ф.Вольман, Я.Мукарховский, М.Баком; И.Бадалич/. Правоммерно ли отделять литературные связи/контактные, историко-генетические и др./ от типологических сходжений, т.к. сравнительное изучение славянских литератур подразумевает и "связи" и "типологию". Сравнение как способ/метод, методика/ каждого исследования. Бинарные и многосторонние ти-

ны литературных отношений.

5. Принципы определения общеславянского контекста для писателя, литературного течения, периода конкретной национальной литературы. Разработка украинско-русских, белорусских, польских, чешско-словацких, югославских литературных связей, попытка их периодизации. "Узловые" проблемы последования /Т.Шевченко и славянские литературы первой половины XIX в."/; "И.Франко и славянский мир"; "Л.Украинка, В.Стефаник, М.Кодляковский и европейские литературный процесс конца XIX - нач.XX вв."/ Советская литература в ее международных связях с литературами стран социалистического содружества. Усиление интереса к последованиям типологического характера/доклады на VI съезде славистов о стилевой дифференциации в современных восточнославянских литературах; типология украинского критического реализма; о традиционном и новаторском в славянской поэзии XX в. и др./

6. В поисках синтеза. Проблема создания итогового труда -украинская литература и славянский мир/с применением аннотированной двухсторонней библиографии от древнейших времен до современности/. Значение подобного последования как определенного этапа в создании сравнительной истории славянских литератур. Необходимость более тесных контактов советских и зарубежных славистов. Перспективы сравнительного изучения славянских литератур в СССР на ближайшем период.

А.И.Мальдис

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ В БЕЛОРУССИИ. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сравнительное литературоведение в Белоруссии молодо в силу различных причин. Главная среди них - молодость самой новой белорусской литературы. Отстав от литератур соседних славянских народов, она стала ускоренно развиваться лишь после революции 1905 г. Заметим, что первоначально белорусское литературоведение занималось преимущественно национальными проблемами.

Первые специальные работы, посвященные взаимодействию

белорусской и других славянских литератур, появились в 40-50 гг. Это были в основном брошюры и статьи о пушкинских/Я.Козас, П.Глебо, В.Пешко,/, гоголевских/М.Дарченко/, некрасовских/М.Барток/, горьковских/В.Ивашин, М.Дарченко/традициях в белорусской литературе. Несколько позже были монографии о белорусско-русском/М.Климович/, белорусско-польском/О.Дойко/, белорусско-украинском/П.Охрименко/ литературном взаимодействии. Благодаря им в научном обиход был введен богатый фактический материал. Выявлялось воздействие, оказанное более развитыми литературами на молодую литературу белорусского народа. Делались попытки сопоставить различные творческие индивидуальности. Однако в работах 50-х гг. по существу еще нет сравнительно-типологического последования рассматриваемых явлений.

На более высокую ступень поднялось белорусское сравнительное литературоведение в 60-е гг. Исследователи последнего десятилетия/С.Александрович, И.Бас, Г.Кносев, М.Дарченко, П.Охрименко и др./продолжали накопление фактического материала о контактных связях белорусской литературы. Однако эти связи стали изучаться более углубленно. Слишком общим констатируя влияние уступала место конкретному анализу результатов этого влияния. Были сделаны первые попытки перейти от изучения бинарных связей к выявлению места белорусской литературы в содружестве литератур славянского мира. Наконец, расширилась "география" белорусской славистики. Объектом исследования стали явления болгарской/Д.Тимошкова, Д.Самсонов/, чешской и словацкой/А.Мокейко, И.Шабловская/, сербской/В.Зайцев/, лужицкой/Н.Гилевич/ литератур.

Развитию сравнительного литературоведения в Белоруссии содействовали международные съезды славистов. К У съезду были изданы доклады белорусских исследователей: "Роль русской классической литературы в развитии развития белорусской литературы начала XX ст." В.Борисенко и В.Ивашина, "Белорусско-польские литературные взаимосвязи в XIX ст." О.Дойко и Н.Перкина, к VI съезду - "Богемильское движение и общественная жизнь Северной Италии

эпохи Дученто" В.Зайцева.

В 60-х гг. основным центром белорусской славистики был сектор взаимосвязей литератур Института литературы им. Я. Купалы АН БССР. За восемь лет существования сектора его сотрудниками были подготовлены два сборника — "Содружество литератур" /1968/ и "Страницы литературных связей" /1970/; ряд монографий /В. Гапова, В. Зайцев, А. Мальдис, Н. Перкин/, библиографический справочник "Связи белорусской литературы с литературами зарубежных славянских народов" /А. Можейко, Л. Самусеико/ и др.

Работы славистов Института литературы АН БССР в основном посвящены взаимосвязям белорусской литературы с литературами других славянских народов. В центре внимания были также формы связей, как взаимные влияния, художественный перевод, личные контакты писателей. При изучении связей широко использовался метод типологического сопоставления. Например, были установлены некоторые черты общности и национального своеобразия белорусской и польской революционной поэзии 20–30-х гг. XX ст.; белорусской и польской "деревенской" прозы /В. Гапова/, однотипных гуманистических явлений в Белоруссии, Чехии и Польше /В. Зайцев/, в творчестве белорусских писателей конца XIX — начала XX ст. и их польских современников и предшественников /В. Казберук/, белорусской и словацкой литератур в период их национального возрождения /А. Можейко/. Проблемы сравнительной стилистики, а также традиции и новаторства посвящены работы о белорусско-польском, белорусско-украинском и белорусско-чешском взаимопереводе /В. Гапова, Э. Мартынова, А. Можейко/.

Знаменательно, что в последние годы к типологическим параллелям широко стали прибегать исследователи, раньше занимавшиеся исключительно белорусской литературой. Сопоставление с другими литературами оказалось необходимым для углубленного познания национальной специфики белорусской литературы.

Отмечая первые успехи сравнительного литературоведения в Белоруссии, нельзя умолчать о том, что по своим мо-

лодости и немногочисленности научных сил оно все еще стоит перед многими "белыми пятнами", которыми следует заняться в перспективе. Очень интересным и поучительным могло бы быть сопоставление сходных тенденций белорусской литературы и литератур соседних неславянских народов литовского и латышского. За небольшим исключением/Н.Далин-дус, И.Семязон, Д.Факторович/нет работ о взаимодействиях белорусской литературы с литературами западной Европы.

В целом, белорусским сравнительным литературоведением накоплен значительный конкретный материал, приобретен определенный методологический опыт. Это дает возможность перейти в будущем к фундаментальным обобщающим трудам, которые позволят определить вклад белорусской литературы в художественную окроуину олавянства.

Л.С.Кешкин

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СВОЕОБРАЗИЯ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

/на материале русской, чешской и словацкой литератур/

1. В должной мере единого и четкого представления о том, что следует считать "национальным своеобразием" литературы и каково содержание понятия "сравнительное литературоведение" до сих пор, к сожалению, все еще не сложилось. Представляется, что говоря о "национальном своеобразии" мы должны одновременно иметь в виду, как запечатленные в литературе национальные черты объектов ее изображения, осуществляющие в действительности /национальный характер героев, этнографическая своеобразность и т.д./, так и национальные особенности самой литературы, прежде всего присущую ей национальную образность. Что касается содержания понятия "сравнительное литературоведение", то, очевидно, наиболее плодотворным надо считать суждение тех, для кого оно объединяет в себе и сравнительное сопоставление литературных явлений при изучении связей, и сравнительно-типологическое рассмотрение не обусловленных прямыми контактами общностей.

2. Существует несколько точек зрения на то, где и в

чем следует видеть определяющие признаки национально-особенного, применительно к духовной жизни людей. Однако всеми, кто пытается объяснить феномен национального своеобразия народов, признается бесспорным сам факт его существования, признается самобытность национальных культур и следовательно литератур. Именно это и создает объективные предпосылки для существования в общих рамках науки о литературе такой ее области, которую мы называем "сравнительное литературоведение".

3. Вся история сравнительного литературоведения в России показывает, что оно возникло и развивалось в связи с потребностью раскрывать и изучать в основном внешние связи и параллели литературных явлений и было обращено своими интересами в первую очередь к окружающей их этнонациональной сфере, взаимодействию с ней, выявлению результатов этого взаимодействия, выявлению общего и особенно в национальных литературах. Об этом свидетельствуют работы Карамзина, Якимова, Белинского, Чернышевского, Пнина, Воеводского и многих других русских ученых.

4. Имея в виду наличие диалектической взаимосвязи между изучением национального своеобразия литератур и развитием сравнительного литературоведения, безусловно являющегося в наше время одной из самых перспективных научных областей, целесообразно обратить внимание на проблему сравнимости литературных явлений/что сравнивать и как сравнивать /; на создание новых жанровых разновидностей сравнительных работ, прежде всего сравнительно-типологических; на прояснение понятия "типология", применительно к литературоведению; на изучение особенностей восприятия литературного явления за пределами его родины; на специальное исследование переводов художественных произведений и вопросов литературной коммуникативности; на рассмотрение межлитературных отношений в контексте общекультурных процессов.

Разработка этих и некоторых других/национальные и художественные свойства языка, периодизация литературных связей, специфика литературных взаимоотношений в XX в. и т.д./научных тем по всей видимости могла бы существенно

помочь развитию сравнительного литературоведения, выдвинуть его на новые рубежи, открыть перед ним новые горизонты.

Н.С.Перкин

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ХАРАКТЕРЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИТЕРАТУР /на материале белорусской литературы/

1. Интернационализм в характере литературного героя можно считать как обычные проявления общечеловеческого в жизнедеятельности человека, поскольку он принадлежит к этому роду, подчинен законам его существования и развития, так и тот многосторонний опыт познания, мысли, чувствования, который вырабатывается и усваивается в материальном и духовном общении с другими народами и их культурой, составляя в конечном итоге общее достояние человечества. В докладе мы, разумеется, обратимся к понятиям второго порядка.

Если с этой точки зрения подойти к белорусской литературе, то без особого труда можно сделать вывод, что характер ее литературного героя эволюционировал по мере исторического движения самого народа и последовательного обогащения опыта литературы, который накапливался и кристаллизовался не иначе как в процессе сложного взаимодействия с национальными литературами. Этот общий вывод, однако, нуждается в конкретизации соответственно особенностям того или иного исторического периода. Наши наблюдения и выводы будут здесь лишь ориентировочными, ибо всестороннее раскрытие темы — это, по существу, освещение всей истории белорусской литературы, объяснение ее пафоса, философии, социальных идей и эстетических концепций.

2. Начав свое самоутверждение с утверждения человеческого достоинства мужика/ "мужичьих" мотивы поэзии в качестве программных/, белорусская литература дооктябрьского периода довольно приковала свое внимание к судьбам крестьянских масс, сделала своим главным героем их представителя. Под характером литературного героя обычно подразумевают эпический образ/преимущественно в прозе и драматур-

гип/ и лишь условно подводят под это понятие "дирижеского героя". Сложность постановки вопроса применительно к белорусской литературе состоит в том, что в дооктябрьский период в ней господствовала именно поэзия. В "дирижеском герое" весьма своеобразно сочетались личное, авторское, и объективное, обобщенно-народное. Например, для Купалы и Коласа как личностей очень органичен мир крестьянских представлений и чувствований, однако они выходят за рамки такого мироощущения, обнаруживая широту познаний и интеллектуальных интересов. Оба эти поэта, говоря о своем творческом становлении, признают большое влияние инонациональной культуры, в частности русской и польской. Тем более это относится к М. Богдановичу, который шел скорее от книжной культуры к жизненным проблемам, чем наоборот.

Если иметь в виду основного, крестьянского героя, то и на нем можно проследить эволюцию, в значительной степени обусловленную обострением аналитичности писателя, обогащаемых интернациональной философской и эстетической мыслью прошлого и настоящего. Еще в большей степени этот вывод распространяется на характеры героев, в которых так или иначе воплотилось авторское "я" или которые выступают в качестве объективных носителей передовых идей.

3. Большие изменения, которые претерпевает герой белорусской литературы после Октябрьской социалистической революции, в первую очередь объясняются рождением и становлением новых черт характера человека послереволюционной эпохи. Вместе с тем это объясняется и начавшимся поистине широким и плодотворным приобщением белорусской литературы к сокровищнице инонациональной, мировой культуры. Благодаря новым воздействиям значительно расширился общий художественный кругозор писателей, повышались и усложнялись критерии оценки героя.

Пережив, как и другие литературы народов СССР, увлечение "космизмом" с его недооценкой национальных особенностей, преодолевая затем вульгаризаторские тенденции в отношении национальной специфики, белорусская литература шла к зрелому пониманию взаимосвязи национального и интер-

национального в условиях советской действительности и таким образом обогащала свою концепцию человека. На этих путях и создавались подлинные ценности нового искусства, в которых омыслились судьбы современников. В области поэзии большую положительную роль сыграло обращение к опыту В. Маяковского и других выдающихся советских поэтов, помогавшему поискам путей к лирико-эпическому воплощению образа человека высокой социальной активности. В области прозы плодотворное воздействие на белорусских писателей оказывали прежде всего русская классика /Д. Толстой, М. Горький, А. Чехов, Ф. Достоевский и др./, затем значительные произведения советской многонациональной литературы.

4. Весьма показательны творческие искания Макониса Танка, который формировался как самобытный поэт в условиях довоенной Польши. Опубликованные недавно его дневниковые записи тех лет /"Дниотки календаря"/ проливают свет на сложность духовного мира поэта, жадно впитывавшего и критически перерабатывавшего многие ценности мировой художественной культуры, в том числе и советской, белорусской и русской. Это заметно сказывалось на самом подходе к герою, на переоценке некоторых традиционных ценностей.

5. Белорусская литература наших дней несомненно отличается более высокой, чем прежде, зрелостью мысли и большей глубиной проникновения в оложности человеческого характер. В этом нельзя не видеть, помимо других факторов, положительное влияние усилившегося в послевоенные годы творческого взаимодействия литератур народов СССР и других стран. Во всех национальных советских литературах внимание приковано к диалектике преобразования национального начала, вековых национальных традиций в условиях все возрастающего единения социалистических наций и в общемировой атмосфере современного научного прогресса и массовых коммуникаций. Сопоставление собственного опыта с опытом других народов помогает белорусским писателям лучше разобраться в особенностях и общечеловеческой сущности своего народа, в процессах духовного развития современника.

Смелая постановка философских, морально-этических

проблем/ в поэзии А.Кулешова, М.Танка, П.Бровки, П.Павченко, Р.Бородулина и др., в произведениях Я.Брыля, В.Быкова, И.Шамякина и др./, истинчивое переосмысление прошлого /И.Мелек, М.Добан и др./, проникновение в глубины сознания человека — все это в значительной мере стало возможным в белорусской литературе благодаря и тому, что она проявляет все большую взыскательность к себе, учитывая и творчески используя при этом неисчерпаемые художественный опыт всего человечества.

С.В.Никольский

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В РАЗВИТИИ ЖАНРОВ

Одной из важных задач сравнительного изучения литератур является исследование исторического поэтики и, в частности, исторической макропоэтики, если под последней понимать динамику основных литературных форм и структур, отчасти подпадающих под определение жанров и жанровых разновидностей, отчасти не совпадающих с ними.

Необходимое условие таких исследований — понимание и раскрытие содержательности и функциональности художественной формы, изменения и обновления которой вызываются и определяются не имманентным ее саморазвитием, а исторически обусловленным изменением художественного сознания, содержания и проблематики литературы, объектов внимания, сферы изображаемой действительности. В этом смысле изучение исторической макропоэтики — основная часть более широкого исследования литературного процесса.

Сопоставительный анализ, естественно, предполагает определение ведущих жанровых тенденций сопоставляемых литератур на соответствующем этапе их развития. Типология жанровых форм предполагает при этом установление не только повторяемости и сходства, но и различий как между типами, так и внутри них, дифференциацию жанровых разновидностей/ опять-таки в их содержательной и функциональной сущности/.

Трансформация и обновление жанров и типов произве-

денем пропиходит главным образом за счет поисков художественных форм адекватных новому содержанию и новым потребностям и выражаются, с одной стороны, в появлении новых жанровых ответвлений и разновидностей, с другой, в явлениях жанрового синтеза/типичный пример-создание формы "свободного романа" Л.Толстым/. Наибольший вклад в этот процесс вносят, как правило, крупнейшие писатели, совершавшие открытия и в области жанра, и вносящие изменения в исторически абстрагировавшиеся структурные типы.

Возникновение типологически родственных художественно-жанровых тенденции в разных национальных литературах /ор. развитие социально-бытовых и социально-психологических жанров на этапе становления реализма, появление романа "революционного воспитания" в формирующихся социалистических литературах/ свидетельствует о закономерности этого процесса и о наличии общих порождающих причин. Анализ различий позволяет в свою очередь видеть не только многообразие и качественные особенности структурно-художественных тенденции, но и - при историческом подходе - направление их развития и обновления, а также видеть преемственные связи между разными литературами, их взаимообогащение, вклад различных национальных литератур и отдельных писателей в трансформацию и развитие той или иной жанровой формы.

Докладчик иллюстрирует изложенные положения, анализируя, в частности, развитие социальной фантастики в литературе последнего столетия и сопоставляя жанрово-художественные тенденции в творчестве Жюль Верна/"роман науки"/, Р.Уэллса/ роман мысленного социально-философского эксперимента с научно-фантастическим обоснованием/, К.Чапека/пронический и сатирический мысленный эксперимент, сатирическое повествование/ и др. Овещается вопрос о возникновении в конце XIX - начале XX в. романов и драм планетарной проблематики/произведение о судьбах человечества/ и об основных структурно-художественных решениях, связанных со спецификой объекта внимания в произведениях такого рода.

НАСЛЕДИЕ А.Н.ВЕСЕЛОВСКОГО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

Научная и идеологическая актуальность постановки теоретических вопросов, при сравнительном изучении славянских литератур. Связь решения этих задач с изучением опыта А.Н.Веселовского — крупнейшего из представителей доктораторской академической науки о литературе.

Мнения исследователей о состоянии современного сравнительного изучения славянских литератур и типичные недостатки в этой области.

Критическая переработка методологических принципов А.Н.Веселовского как одно из важнейших условий успешного развития нашего сравнительного литературоведения.

Истоки учения Веселовского, по данным советских исследователей. Заслуги Веселовского в деле разработки научных основ построения истории всеобщей литературы и исторической поэтики.

Характеристика сравнительно-исторического метода Веселовского. Отношение выдвинутой им "теории встречных течений" к мифологической гипотезе, к теории заимствования и теории самозарождения. Ошибочность ходячих представлений о Веселовском как о типичном представителе компаративизма/в его отрицательном значении/. "Теория встречных течений" как синтез лучших достижений буржуазной науки времен Веселовского и как основа его сравнительно-исторического метода.

Слабая критическая изученность методологии Веселовского. Ее бесспорные недостатки, раскрытые критикой. Преувеличение возможностей индукции как главнейшее методологическое заблуждение русского ученого, обличавшее его с позитивистами.

Спорные высказывания критики об ошибках Веселовского. Преувеличивал ли Веселовский значение литературных заимствований? Вполне ли верно, что он переоценивал роль литературных традиций и умалял возможности личного почерка в процессе эволюции поэтических форм? Можно

ли считать неправомерным его отремление раскрыть на всем протяжении литературного развития "явления схематизма и повторяемости"? Отсутствие убедительных аргументов по всем этим пунктам как свидетельство необходимости продолжать изучение идей Веселовского в плане решения указанного комплекса вопросов.

Дуалистический характер выдвинутой Веселовским теории психологического параллелизма и необходимость критического подхода к ней, что поможет найти путь к более глубокой постановке проблем происхождения художественной литературы и ее специфики.

А.Р.Волков

К ТЕОРИИ ТРАДИЦИОННЫХ СХЕМАТОВ

1. Одной из основных форм литературных взаимоотношений /межнациональных, фольклорно-литературных и внутрилитературных/ является заимствование. Заимствоваться могут сюжеты, сюжетные мотивы и ситуации, образы-персонажи, образы-подробности и образы-тропы. Источник заимствования обычно известен читателю.

2. Разновидностью заимствования являются так называемые традиционные и вечные сюжеты и образы. Традиционные сюжеты восходят к мифологическим, фольклорным, историческим, реже - литературным источникам.

3. Заимствование, традиционные и вечные сюжеты/мотивы, образы/- три ступени одного явления, между которыми трудно провести четкие границы. Некоторые произведения, в силу особых потенциальных возможностей, в них заложенных, приобретают/многую/ вкоре после их создания, иногда - через длительное время/ широкое признание в мировой литературе. Из них черпаются сюжеты, мотивы и образы. При многократности таких заимствований можно говорить о традиционности. При очень большом количестве обращений к данному традиционному сюжету и образу он воспринимается как "вечный". Но и этот количественный критерий относителен, так как частотность данного вечного сюжета в определенном литературном период или в определенном литературном направлении может быть меньше, чем традицион-

ного или просто заштыкованного.

4. Интерес к отдельным образам и сюжетам, не заштыкованным или мало заштыкованным, пробуждается, когда заданные в них философские проблемы приобретают — подчас несколько неожиданно — особую социальную актуальность.

5. Очень различна частотность обращения к традиционному сюжетно-образному материалу/не к определенному сюжету, а традиционной орпедике в целом/для разных литературных родов и видов.

6. Обращение к "чуждым", заштыкованным, традиционным сюжетам и образам одна из наиболее заметных особенностей условной драматургии XX века.

7. Широкое пробуждение интереса к традиционной орпедике и образности не может быть объяснено ни случайно, ни индивидуальными свойствами драматургов. Очевидно, мы имеем дело с международной типологической закономерностью — какие-то значительные причины приводили представителей условной драматургии XX в. к использованию заштыкованной орпедики и образности. Для объяснения этого явления целесообразно сочетать две методики: типологическое сопоставление на основе ленинского критерия повторяемости/закономерность обращения условной драматургии XX века к заштыкованному сюжетно-образному материалу/и сравнительно-историческое рассмотрение литературных взаимосвязей/одно явление заштыкования и его разновидности/.

8. Можно предположить, что идеино-художественные задачи, вставшие перед условной драматургией, действительно требовали обращения к заштыкованному и традиционному сюжетно-образному материалу, ибо какие-то свойства, присущие именно традиционным сюжетам, пришли в соответствие с художественными принципами условной драматургии.

Эта типологическая гипотеза может и должна быть проверена путем сопоставления признаков, характерных для традиционного сюжетно-образного материала с художественными принципами условной драматургии. Но очевидно и то, что понятие условная драматургия чрезвычайно широко,

объединяя различные направления и реалистической, и психологической, и модернистской драматургии. Поэтому уже априорно можно утверждать, что в различных направлениях условной драматургии XX в. обращение к традиционным сюжетам и образам, кроме общих причин, должно иметь и специфические для данного направления.

9. Свойства традиционных сюжетов накладываются на художественные принципы драматургии реалистической условности. "Научность", "познавательность", "алгебраичность" традиционных сюжетно-образных элементов придают особую доказательность произведениям, где они используются. Сгущенность, лаконичная выкость и общезвестность позволяют заключать в произведении большое идейное содержание, а также переключают внимание читателя или зрителя с фабульной напряженности на идейный анализ происходящего.

Традиционные сюжеты пригодны для особо обобщенного моделирования художественного образа современности с отвлечением от излишней конкретности, для постановки на их материалах интернациональных проблем современности, для художественного вскрытия социальных закономерностей классового общества. Традиционные сюжеты вызывают у читателя или зрителя привычные, совершенно определенные содержательные комплексы, понятия, отношения и ассоциации. Восприятие оказывается в заранее заданных предлагаемых обстоятельствах. На этом основе возможно нужные автору впечатления, сравнения, мысли - "запрограммировать", а ненужные - отключить. Это особо важно как вообще для драматургии народной условности, где все художественные средства функционально подчинены философски-социальному обобщению, так и, в частности, для драматургии маяковского-брехтовского типа с ее открыто коммунистической партийной направленностью.

10. Наложение на художественные принципы драматургии реалистической условности свойств традиционного сюжетно-образного материала показывает, что обращение к последнему обусловлено самой драматургической системой, прежде всего принципами интеллектуализма, агитационности, обобщенности, лаконизма и фантастики.

ПОНЯТИЕ СИСТЕМЫ СВЯЗЕЙ В СРАВНИТЕЛЬНОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ И ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

Изучение отдельных фактов литературных связей, в их социальной и эстетической обусловленности, как таковое, наряду с непониманием к типологическим проблемам, недостатком компаративистики старого типа, в частности, в буржуазном славяноведении.

Разработка понятия системы литературных связей — одно из средств преодоления первого недостатка и планомерного введения социологического аспекта в сравнительное литературоведение.

Целесообразность сосредоточения внимания на такого рода связях, факты которых не только достаточно многочисленны, но и могут рассматриваться как образующие определенную систему. Поскольку такая система первоначально устанавливается эмпирически, по родству классификации и обобщения совокупности фактов в произведениях, которые могут представляться связанными внешне — этими фактами, — такую систему можно именовать "внешней системой".

Однако, если у "внешней системы" есть достаточно устойчивые общие черты, то должны быть также и какие-то общие причины, от которых эти черты зависят. Такие причины следует искать прежде всего в условиях идейной, литературной, в конечном счете социальной жизни страны, литература которой либо обращается к другой литературе/или к некоторой другой стране/, либо выступает в качестве активного/творческого/ реципиента воздействия, либо выступает в качестве партнера взаимодействия. Поскольку причины таких явлений, в свою очередь образуют систему, обуславливающую "внешнюю систему", то их/походящую/ систему можно именовать "внутренней системой".

Понятия "внутренней" и "внешней" систем применимы /хотя с дополнительными уточнениями/ для литературных взаимодействий, в полном смысле этого слова.

"Внутренняя" и "внешняя" системы связаны не только материальной и логической казуальностью; но и с точки

время сравнительного литературоведения они образуют известное единство — "объединенную систему", вне которой последованье отдельно взятой "внутренней" или "внешней" системы менее эффективно. Если последуются связи передовой польской и русской поэзии первой половины XIX в., или, в более простом примере, — русская тема в польской поэзии этого времени, то определение в ходе последования "внешней" и "внутренней" системы целесообразно для полной их характеристики, для полноты социального и художественного момента — должна последовать "объединенная" система. Пример: для большого круга произведений Мцковича и Словацкого характерна поляризация в изображении русской действительности: крайне резкое обличение царизма и его слуг, а, в противоположность этому, восторженное изображение русских, если они противостоят царизму как революционеры и поэты. Отражение этой устойчивой "внешней" системы в сравнительном литературоведении может быть детально разработанным и точным, но научно недостаточно полным, если одновременно не будут выявлены как общественно-политические, так и эстетические закономерности, которыми обусловлена указанная поляризация, то есть, если связи не будут последовать как "объединенная система".

Понятие системы литературных связей полезно и для четкого разграничения разнохарактерных явлений в связях, допустим, если взять еще один пример из той же области, — для разграничения типа связей передовой польской и русской поэзии указанного времени, с одной стороны, и деятельности Бенедиктова как переводчика Мцковича, — с другой.

А. М. Адамович

БЕЛОРУССКАЯ ПРОЗА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КЛАССИКИ /Современный выбор путей развития/

1. Двудельная задача развивающейся национальной литературы /прозы/: деление, проникновение в глубины национального/фольклора, истории быта, характеров, языка/ и одновременное овладение высотами мирового литературного опыта. Без второго для художника сегодня невозможно пер-

воо, чтобы идти в глубину своего, национального, нужна высота всечеловеческого. Убедительным свидетельством тому служат романы, повести и рассказы наиболее национальных прозаиков-классиков белорусской литературы Я. Коласа и К. Чорного.

В трилогии "На перепутье" /"На росянках"/ Я. Колас создает яркий образ белорусского интеллигента, пользуясь опытом психологического анализа, восходящим к М. Лармонтову.

Кузьма Чорны пишет цикл социально-философских романов на материале исторического бытия белорусского народа, опираясь как на традиции М. Горького /"Дело Артамоновых"/, так и на опыт "Человеческой комедии" О. Бальзака, а также "Ругос-Маккаров" Э. Золя. Проникнуть в тайники душ своих героев-белорусских крестьян — помогает ему, как это не парадоксально, и писатель-урбанист Ф. М. Достоевский. Для К. Чорного человек — "великая тайна", которую он, подобно Достоевскому, стремится "разгадывать", обнаруживать в конкретных проявлениях человеческого существования/социального, национального/.

2. Современные белорусские прозаики /И. Малех, Я. Брыль, В. Быков, М. Лобан, М. Стрельцов и др./ приняли и развивают эту традицию белорусской классики, что проявляется в поиске национальных путей развития, опираясь на опыт мировой классики. И это дает свои плоды: белорусская литература сегодня читается и воспринимается не как "ознакомительно-этнографический материал", каковым была одна Белоруссия. Рассказывая о себе, белорусы рассказывают о человеке и человечестве, о тревогах и надеждах сегодняшнего и завтрашнего дня. Право на слово о человечестве есть у каждого народа. Потребность высказать его появляется, когда народ активно и сознательно включается в историческое деяние, которое затрагивает многие народы. Таким деянием была Октябрьская революция.

Важную роль в борьбе прогрессивного человечества с фашизмом сыграл белорусский народ в годы второй мировой войны. Его литературе есть что рассказать об этой борьбе и о страшном лице фашизма. Не одна, не две, а сотни трагедии, подобных проходившим в Дидице и Орадуре, — вот

что такое писатели фаппизм, какими его знает и показывает белорусская литература.

Литература народа с такой исторической судьбой обязана отразиться к тому, чтобы быть интересной, нужной не одним белорусам. Сознание все это современники белорусских прозаиков, с одной стороны, особенно пристально выискивают в историческом опыте своего народа, с другой — ищут пути всемирного обогащения художественного языка, пути к идейно-стилевой и канонической совершенству. Отсюда все возрастающий интерес к опыту мировой классики. В результате в белорусской прозе утвердился хорошая традиция не впадать в стилотическую однотонность, что всегда грозит молодым литературам. Однако стилевая раскованность вовсе не ородит всеядности. Это лишь готовность литературы омыло пойти навстречу требованиям времени, жизни. Для современной белорусской прозы характерно богатство индивидуальных стилей и стилистических направлений. Это — и склонность писать человека с учетом всего народного быта, отличаясь речью И. Малежа и М. Лобана/К этому тяготеет и сам литературный язык белорусский, который чрезвычайно "напитан" соками бытового, разговорного, народного языка/. Можно отметить и особую простоту, какую-то поэтичность белорусской прозы, повышенно эмоциональный по стилю/Я. Брыль, М. Стрельцов/. Наряду с поэтичностью проза приобрела так же умелость и широту, которыми прозаик точно одаривает самого себя. После К. Чорного все более "национальной" делается в белорусской прозе такая черта, как интеллектуализм, суровость, порой даже жесткий анализ в изучении жизни и человеческой психологии, характеризующим, например, лучшее повесть В. Быкова.

Пути развития белорусской прозы пролегают по национальному почве, но они не изолированы от мировых литературных дорог, где встречаются Толстой и Стендаль, Достоевский и Шекспир, Горький и Гюго, где складывается и соотносится все то, что называется "мировой литературой". И это не искусственная, претенциозная литературная ориентация, а требования самого исторического существования, вытекающая из всего культурного опыта белорусского народа, о котором

СЛАВЯНСКАЯ ОБЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВА

1. Общность духовной культуры славян — не единичное и исключительное явление в истории мировой цивилизации. Наряду с отдельными явлениями искусства данного народа и всей мировой художественной культурой осуществляет целая система больших и меньших общностей или структур, являющихся ступенями, скрепами или узлами в развитии художественной культуры и выступающих в одно и то же время то как особенное и отдельное, то как общее. Мировая литература как общность и национальные литературы как индивидуальности непостижимы без изучения промежуточных общностей. Естествен теоретическим интерес к этой проблематике со стороны ряда славянских ученых /Ф.Вольман, Э.Георгиев, Ю.Доланский, Р.Паролек и др./.

2. Идея общности духовной культуры отдельных народов — историческая категория, изменяющаяся с развитием общественных отношений и всеобщим прогрессом. "Чем дальше мы уходим в глубь истории, тем больше стираются признаки отличия между народами одного и того же происхождения" /К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, М., 1960, т.16, стр.521/. С исчезновением прежних, племенных признаков в ходе истории возникают новые признаки, новые общности: советская многонациональная литература, литература социалистических стран, социалистическая литература капиталистических стран и т.д.

3. Наряду с общностью литератур восточноевропейских народов — не только славянских — осуществляет также общность славянских литератур, берущая свое начало в древности и объясняющаяся, помимо географической близости, общностью происхождения, этническим и языковым родством. Вместе с тем исторические условия, в которых развивались славянские племена и народности, на протяжении веков нарушали эту общность, что приводило к существенным различиям в культуре западных и восточных славян. Это обнаружилось особенно резко в религии. К началу девятнадцатого века

отдельных славянских народы оказались на разных исторических ступенях экономического, политического и культурного развития.

4. Слабость национальных сил у численно малых славянских народов, отставших в своем историческом развитии привела в период бурного развития капитализма и формирования нации к возникновению так называемой славянской идеи, выходящей из славянской общности. Эта идея оказывала положительное влияние на национально-освободительное движение славян. Вместе с тем, взятая в своей абстрактной форме, она заключала в себе много иллюзорного и, будучи утопичной, приводила к прямо реакционным умозаключениям о существовании "фантастической общеславянской национальности"/К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 6, стр. 305/, т. е. к политическому панславизму в самых различных формах, к мессиянзму и т. п.

5. Славянская идея или идея славянского единства в период формирования буржуазных наций оказывала влияние на развитие искусства у славян, в особенности на искусство слова. Утопичность этой идеи предопределила развитие литературы в рамках романтизма. Славянские литературы этого времени на Западе характеризуются преобладанием лирических жанров, патетики, риторичностью. Противоречивость этой идеи приводила к тому, что она и содействовала развитию литературы, и задерживала их развитие. "Идея славянской взаимности, которая во многих отношениях принесла много пользы, — пишет З. Неелли, — уложила наше представление о национальности до такой степени, что в пору, когда Сметана начал у нас свое дело реформы, "национальное" и "славянское" было одно и то же. Понятие национальности было неясным, оно могло быть узким/чешским/или более широким/славянским/. В искусстве это был принципиальный вопрос, который надо было решать. Идея славянской взаимности в своей крайности таила в себе много романтических элементов, так что реальные люди никогда не переставали предостерегать против ее переоценки". Это относится не только к чешскому, но и к искусству других национальностей и в первую очередь к литературе.

6. В искусстве — главное в индивидуальности, как и в жизни, общее существует лишь в отдельном, индивидуальном. И потому славянская общность, как и любая другая, могла проявиться только через национальность, через конкретное изображение жизни каждого отдельного народа. Идея славянской общности, с ее понятием "восславянской национальности", отвлекала деятелей искусства от конкретных явлений национальной и социальной жизни. С этим связаны трудности и противоречия в формировании реализма в литературах численно малых славянских народов: национальные различия этих народов делали невозможным конкретное славянское искусство.

7. Славянская общность проявляется в национальной форме каждой литературы, у каждого художника, независимо от того, осознает ли он это или нет. Она обнаруживается в общих традициях, общих и близких сюжетах, героях, формах и методах художественного мышления, в языковой близости, что всегда давало и дает "возможности для больших взаимодействий в сравнении с отдаленными в языковом отношении литературами" /Э. Георгиев/. И потому славянская общность наиболее полно проявляется в творчестве тех славянских художников, которые талантливо отражают национальную жизнь своего народа во всей ее социальной сложности и противоречивости. Те же славянские поэты, которые стремились воплотить в своих произведениях прежде всего так называемую славянскую идею всегда впадали в отвлеченность и риторичность. С этим связаны и недостатки лучшего произведения в этом духе — "Дочери Славы" Я. Коллара. Ими же отличается поэзия русских славянофилов, посвященная славянской проблематике /И. Аксаков, А. Майков, Ф. Тютчев, А. Хомяков/ и других славянских поэтов.

8. В последние годы в советском литературоведении началось изучение славянской общности в устном народном творчестве и в литературах /А. Р. Родков, Н. И. Кравцов, Д. Ф. Марков, Б. Н. Путилов, В. Н. Скрипка и др./. Этот путь изучения фольклорной и литературоведческой проблематики методически оправдан и обещает принести плодотворные результаты в разработке вопроса о специфичности вклада сла-

славянских литератур в мировую культуру. Изучение общих закономерностей развития славянских литератур в системе мировой литературы является необходимым для создания наиболее объективной картины славянских национальных литератур в отдельности, их совокупности и мировой литературы в целом. Оно особенно актуально в свете современной идеологической борьбы, когда реакционная наука на Западе все еще принижает славянскую художественную культуру.

Е.З.Пыбенко

ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИТЕРАТУР И ХАРАКТЕР ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

Сравнительное изучение литератур не является самоцелью. Его конечная задача — выявление закономерностей и специфических особенностей литературного процесса в отдельной национальной литературе или в группе близких по языку и объективным условиям развития литератур, или в мировой литературе. Взаимные связи с другими литературами — это составная часть самого развития национальной литературы. Поэтому изучение литературного процесса невозможно без учета контактов данной литературы с другими.

Другое дело, что контакты и влияния не являются определяющими в развитии национальной литературы. Возведение литературных влияний в главную силу литературного процесса является коренной ошибкой буржуазной компаративистики. Другим недостатком многих компаративистских исследований является рассмотрение фактов влияния вне контекста литературного развития, накопление эмпирического материала, который ничего не объясняет ни в литературном процессе, ни в творчестве отдельного художника.

Развитие каждой национальной литературы определяется прежде всего фактами национальной жизни, особенностями культурных традиций, внутренней логикой литературного процесса. Литературные же связи своеобразно подчиняются этой логике литературного процесса, во многом зависят от нее. Поэтому правы те литературоведы, которые считают, что не может быть особой периодизации истории литературных

связей.

Не являясь в целом определяющими, творческие контакты и влияния составляют определенную сторону литературного процесса. Литературный процесс — сложный комплекс явления, в котором важную роль играют качественные изменения, образования новых художественных ценностей, определенные сдвиги в литературном развитии. Общий характер развития литературы позволяет выявить прежде всего смену литературных направлений и течений. История взаимоотношений славянских литератур дает немало примеров того, как взаимообогащение литератур или влияние одной литературы на другую играет существенную роль в развитии и смене направлений и методов. При этом речь может идти не столько о влиянии того или иного крупного писателя, а о воздействии целой эпохи, литературного направления или школы. Известно, например значение русской натуральной школы для развития польской литературы от романтизма к реализму в 40–50-е годы XIX века. Формирование реализма в польской литературе этого периода не было повторением русского опыта, оно имело свои специфические особенности/в частности, несколько иная роль романтизма/. Примером творческого использования применительно к национальным условиям является усвоение польской литературой опыта французской так называемой "нестовой" школы романистов. Одни польские романисты, используя манеру этой школы, развивали ее в реалистическом направлении /Ю.Дзешковский/, другие переносили ее в свои преимущественно романтические романы /Н.Жмиховская/, третьи создавали по ее образцу романы, основанные на сенсационном интриге/Н.Богущки/.

По мнению некоторых литературоведов/например, У.Р.Фохта/, литературный процесс — это развитие и смена характеров, отражающих развивающуюся действительность. И в этом случае большую роль играют литературные контакты и влияния. Каждая эпоха выдвигает характеры, которые наиболее полно и глубоко отражают ее главное содержание. Некоторые из них оказываются соответствующими аналогичным условиям в общественном и литературном развитии других народов и поэтому находят благодатную почву для распространения и

внедрения. К. Крейчи называет такие характеры "моделями", приводя в качестве примера Вертера Гете. В польской литературе своеобразную литературную "карьеру" оделал тургеневский Базаров, породивший целую галерею польских "наггилистов".

О характере литературного процесса можно судить и по эволюции жанров. Формирование реалистического романа, выдвинувшее его как ведущего жанра в славянских литературах в значительной степени проходило под влиянием русской литературы. Большую роль сыграл, в частности, опыт тургеневского романа.

Для изучения литературного процесса еще более, чем выявление влияния, важно последование типологических связей и аналогий. Именно историко-типологическое сопоставление позволяет определить специфику литературного процесса в той или иной национальной литературе. Это касается и особенностей смены направлений и смены характеров. Например, сопоставление развития характеров в польском и русском романе XIX века показывает, что смена характеров в польском романе выглядит иначе, чем в русском. Если русская литература выводит на своих страницах сначала дворянских революционеров, потом поколение "лишних людей", затем "новых" людей из разночинной среды, и, наконец, героя из народа, то в польском романе более устойчивую позицию на всех этапах его развития занимает положительный герой — выходец из шляхты.

Можно утверждать, что выявление принципов изучения литературного процесса в одной национальной литературе, роли в нем взаимообогащения литератур — это сложная и во многом нерешенная задача нашего литературоведения. Еще более сложная задача, к решению которой мы только подходим, — это выявление закономерностей и особенностей мирового литературного процесса. Способствовать изучению этих закономерностей и призвано сравнительное литературоведение.

БОЛГАРСКО-БАЛКАНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОТНО- ШЕНИЯ ПЕРИОДА НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Разрабатывая методологические вопросы, современное сравнительное литературоведение разграничило контактные связи от типологически сходных художественных явлений и процессов, установило диалектическую зависимость между ними, т.е. их относительную самостоятельность и взаимобусловленность. Возникла мысль и о необходимости синхронного рассмотрения этих двух звеньев в тех случаях, когда они действительно взаимосвязаны. Но если более внимательно рассмотреть сущность литературных контактов и типологических параллелей, прежде всего их характер в разных исторических периодах, то мы проникнем глубже в их специфику, найдем основание для известного уточнения и расширения представления о них. В ряде случаев установление контактов между двумя литературами не предполагает их дальнейшего взаимного развития, они не претерпевают эволюции и в границах определенного исторического этапа остаются изолированными в системе связей соответствующих литератур. Как правило, установление таких контактов имеет случайный характер, оно нередко обусловлено субъективными факторами. В других случаях контакты претерпевают дальнейшую эволюцию и после определенного интервала, в зависимости от тех или иных обстоятельств, вступают в новую фазу развития. Существует еще и такой тип литературных связей, которые уже в начале предопределяют длительность взаимодействия и обогащения соответствующих литератур. Они последовательно проходят через различные стадии и постоянно направлены к более широкому оприкосновению главных художественных явлений. Такого рода контакты выполняют и более широкую общественную функцию в сфере духовного общения между народами данного региона. Именно в подобных случаях литературные связи особенно тесно связываются с типологически сходными художественными явлениями и тенденциями. Они сопровождают литературный процесс и

их никак нельзя рассматривать оторванно как от этого процесса, так и тех факторов, которые его обуславливают. Такого рода высшим типом взаимоотношений являются взаимоотношения между болгарской и русской литературами, а в известной степени также между болгарской и остальными балканскими литературами. Как правило, для такого типа литературных взаимоотношений нужен не только обычный обмен художественными ценностями, но и гораздо более широкое историческое взаимодействие соответствующих народов. В этом нас убеждает и исторический смысл рассматриваемых в докладе отношений.

Вторая половина XVIII и первые десятилетия XIX века в истории всех литератур Юго-Восточной Европы отмечены усилением процесса культурно-национального развития, который протекал в условиях подъема национально-освободительной борьбы пораженных народов Османской империи и Австро-Венгерской монархии. Вместе с тем это время в истории балканских народов является одним из самых оодержательных в историко-культурном процессе. Переход от средневековья к новому, национальному мироощущению, начинается хронологически не одновременно и своеобразно проходит в греческой, хорватской, румынской, болгарской или в албанской литературах. Наряду со всеми, до сих пор выявленными наукой, специфическими для каждой балканской литературы особенностями, борьба за национальное освобождение и социальную свободу существенно обуславливает специфику вышеназванного процесса. С этим связаны координаты и некоторые существенные особенности взаимоотношений между балканскими литературами с конца XVIII до 70-х годов XIX века, в частности.

Исходя из этих основных положений, автор доклада рассматривает ряд конкретных вопросов: параллельность в проявлении нового процесса, преемственность традиции переходных этапов, постепенное расширение охвата исследуемых взаимоотношений, проявляющихся в литературных жанрах и т.д. Специально останавливается автор на вопросе о базисной роли, которую в условиях роста национально-освободительных движений каждая из балканских стран выполняет

По отношению к той или иной балканской литературе. Положительные последствия этой специфичной для нашего времени формы литературной жизни очевидны как для литературы, произведения которой возникают в другой стране, так и для страны, которая выполняет роль базы. Насколько более многоплодна национально-патристическая эмиграция из одной балканской страны в другую, настолько велики и значительны результаты ее литературной деятельности. На основе конкретных примеров в докладе подчеркивается, что они затрагивают идеино-эстетическую сущность литературного процесса и его структуру, основу последующих отношений. Они имеют прямое отношение к характеристике отдельных художественных образов в балканских литературах, в любовно-сентиментальном лирике, проявляются в сходной романтической и реалистической концепции положительного и отрицательного героя, в реалистической постановке темы национального и социального рабства, в освещении некоторых вопросов более общего, философско-психологического характера. Болгарско-балканские литературные взаимоотношения не представляют замкнутого изолированного круга. На обширном поле литературных взаимодействий вообще они пересекаются или соединяются с другими звеньями в системе постоянно разрастающегося обмена художественными ценностями, которым характеризуется мировой литературный процесс.

М.Я.Гольберг

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИТЕРАТУР И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА

1. При изучении взаимодействия и взаимосвязей литератур литературоведение неизбежно вступает в контакт с другими науками, одной из которых является психология, позволяющая глубже, полнее исследовать процессы литературных воздействий и взаимодействий, конкретные формы их проявления.

2. Иногда, рассматривая процесс литературных взаимосвязей, говорят лишь о воздействии одного произведения на другое, утверждая, что объектами сравнительного изуче-

ния являются сами произведения, либо определенные их объединения/все творчество писателя, литературное направление, национальная литература, группа родственных литератур/^{1/}. Но при таком постановке вопроса из поля зрения выпадает личность художника, понятие творческой индивидуальности, оказывающая воздействие на характер историко-литературного процесса, в том числе на такую его часть, как литературные связи и взаимоотношения.

3. При исследовании генезиса литературного произведения следует учитывать такие взаимодействующие уровни: действительность — внутренний мир художника — произведение, внутренний мир произведения. В понятие действительности, воспринимаемой и переживаемой художником, входит и литература в ее социальной обусловленности, круг впечатлений, получаемых писателем от тех или иных литературных произведений. Внутренний мир художника включает в себя жизненный материал и литературные впечатления в своеобразно переработанном виде и является своего рода отражением их. В свою очередь, внутренний мир художника отражается во внутреннем мире произведения, в том специфическом "субъективном образе объективного мира", каким оно является. Исследование роли жизненных фактов, впечатлений и наблюдений — одна задача, возникающая при изучении генезиса произведения. Другая, непосредственно связанная с проблемой взаимодействия литератур, — изучение роли импульсов, идущих от тех или иных литературных традиций, от тех или иных произведений. Общим при решении той или другой задачи является изучение сложного пути от жизненного факта к художественному образу, от литературного импульса к собственному творчеству.

4. Для понимания внутреннего мира писателя важную роль играет изучение круга прочитанных книг, в том числе в его личной библиотеке. Это помогает установить наличие контактных связей.

5. С вопросом о круге чтения связан и вопрос о литературных реминисценциях, которые свидетельствуют о связи

^{1/} См., напр.: H. Markiewicz. — "Ruch literacki", 1969, №2, s. 62.

читательского восприятия писателя на основе его собственного творчества. Не следует думать, что все читательские впечатления находят отражение в произведениях писателя. Первый вопрос состоит в том, чтобы определить, что из прочитанного могло сыграть и сыграло роль импульса. Чтобы это произошло, необходимы соответствующая социально-историческая почва и наличие традиционных связей между литературами. Важную роль играют и психологические предпосылки. Возникновение импульса, превращение читательских впечатлений в фактор, а затем и в результат творчества может быть объяснено лишь комплексом взаимосвязанных причин, касающихся и объекта, и субъекта литературного взаимодействия. Литературный импульс наиболее часто выступает не как единственное побуждение к творчеству, а в соединении с другими стимулами. Нельзя, однако, рассматривать литературные реминисценции и импульсы как особые формы литературных контактов. Последние могут приводить к различным результатам. И именно исследование характера этих результатов должно быть положено в основу классификации. Когда же речь идет о литературной реминисценции, необходимо исследовать ее роль и функцию в структуре произведения. Недооценка роли литературных реминисценций, встречающаяся в некоторых работах, происходит от того, что они рассматриваются односторонне, вне связи с творческим процессом.

7. Возможен путь от литературного импульса к различным формам литературного воздействия, в том числе и к прямому влиянию. Но импульс может послужить основой и таких явлений, как творческая полемика, переосмысление того или иного образа или произведения, пародия, имитация, стилизация. Во всех этих случаях нельзя в одной плоскости рассматривать импульс, с одной стороны, и реминисценцию, совпадение, филиацию и их "производные", с другой. Первый определяет лишь начальную стадию творческого процесса, вторые — его протекание, направленность и результат.

8. Вступая во взаимодействие с другими факторами, литературные импульсы включаются в творческую историю произ-

ведения. Рассмотрение творческой истории в аспекте меж-литературных контактов является принципиально важным моментом.

9. Импульс может по-разному проявлять себя непосредственно в произведении. Но бывают случаи, когда его можно установить лишь на основе косвенных данных. При исследовании творческого процесса, пути от литературного импульса к созданию нового произведения, большую роль, как известно, играет изучение рукописей писателя, его дневников, записных книжек и писем. Имеют значение и биографические данные, позволяющие судить о личных контактах писателя, о творческой атмосфере, которая его окружала, о той среде, в которой он жил и творил. Эта среда может быть важным источником творческих импульсов, иногда до конца не осознаваемых писателем. Вместе с тем она создает и определенные предпосылки для их реализации.

10. В сравнительном литературоведении, в частности в сравнительно-историческом изучении славянских литератур, очень важен поставленный В.М.Жирмунским вопрос о принципиальном различии между источниками и литературными явлениями в собственном смысле²⁷. Источник и явление — явления разные и с точки зрения психологии творчества. Обращаясь к тому или иному источнику, писатель может использовать его только как материал для воссоздания тех или иных явлений действительности, не испытывая при этом воздействия в плане идейно-художественном.

11. Обращение к психологии творчества помогает в решении вопроса о принципах классификации литературных воздействии и взаимодействии, дает возможность ввести в основания этой классификации ряд важных моментов, в частности понятие установки и направленности творческой деятельности. Благодаря этому, те или иные виды литературных контактов могут быть охарактеризованы во всем их своеобразии, с учетом диалектического единства объективного и субъективного в процессе творчества.

²⁷ См.: В.Жирмунский. Драма Александра Блока "Роза и крест". Литературные источники. Изд-во Ленинградского университета, 1964, стр. 99.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЛИЯНИЯ И ПРОБЛЕМА УСКОРЕННОГО РАЗВИТИЯ

/К вопросу становления новой белорусской литературы/

Ускоренность — неотъемлемая черта развития белорусской литературы, характеризующая длительности период ее существования. Поэтому многие своеобразные процессы, свойственные ее истории, нельзя объяснить с достаточной полнотой, не учитывая явления ускоренности. До сего времени в белорусском литературоведении проблема ускоренного развития затрагивалась косвенно, хотя еще в 1915 г. выдающийся белорусский поэт и критик М. Богданович проникновенно заметил, что белорусская литература напряженно и быстро проходит пути, которые развитыми литературами осваивались на протяжении столетия, но проходит бегом, неполно.

Проблема ускоренного развития в связи с литературными влияниями методологически очень сложна. Продолжаются споры, что понимать под ускоренным развитием и в какой степени оно зависит от многонациональных заимствований. Благодаря новым теоретическим работам советских ученых /например, Г.Д. Гачева/, которые появились в последнее время, перед белорусским литературоведением открываются более широкие перспективы изучения этой важной проблемы.

Как известно, во второй половине XVIII ст. белорусская литература в результате национального угнетения переживала пору упадка и застоя. Важнейшие идейно-художественные традиции старой литературы утратились. Но в начале XIX ст. начинается новый период — период возрождения.

Болгарская литература, переживая подобный исторический поворот накануне и после освобождения от турецкого ига, вынуждена была, как это показал Г.Д. Гачев, начинать развитие от уровня, свойственного фольклорно-художественному сознанию, и пройти через стадию религиозного мышления. Ускоренным темпом болгарская литература осваивала все ступени долгой эстетической эволюции, известные литературам, свободно творящим в условиях национальной государственности. Новая белорусская литература тоже сразу

вступила в процесс ускоренного развития, но встала на иной путь. Исторические факторы, которые определили его, — близость, авторитет, широкое распространение и влияние на территории Белоруссии польской и русской художественных культур. Благодаря им уровень эстетического восприятия в образованном обществе был высок.

Причина обращения белорусской литературы к фольклорным истокам художественного сознания в период ее возрождения кроется в культурном и духовном изоляции страны, вызванном долгим иноземным господством. Начатки духовной жизни первоначально не имели широкой связи с центрами мировой культуры. В Белоруссии наоборот — передовая польская и русская литературы, несомненно в то время ярким отблеском идей французской революции, давно стали духовной пищей. Поэтому новая белорусская литература, чтобы существовать, развиваться, чтобы не остаться "глухой" беллетристикой, второсортной, развлекательной литературой, была обязана сразу пойти на "заимствование" принципов художественного изображения жизни, усвоенных соседними братскими литературами.

Так как племенно-художественные традиции прошлого века в новых условиях действительной оплы не имели, а фольклор того не мог одушить достаточно живой эстетической основой для развития новой литературы /он отражал художественное сознание народа давнего времени/, то естественно, что первые шаги новой белорусской литературы были обусловлены ее духовной близостью к прогрессивной польской и русской литературам, их чутким вниманием к социальным нуждам белорусского края. Кстати, в белорусском литературоведении бытует ошибочное представление, будто новая белорусская литература непосредственно вырастала из народного творчества. Активное обращение к жанровым и стилистическим формам фольклора, даже стилизация, как известно, еще не указывают на фольклорный уровень художественной литературы. Новые племенно-художественные тенденции будущей белорусской литературы проявились в тех произведениях польской и русской литературы, которые были написаны выходцами из Белоруссии о белорусской действительности и в которых выражались духовные потребности родного края. Первое место сре-

ди них принадлежит произведению А. Мичкевича. Именно в его стихах, балладах и поэмах, посвященных родным местам, появляются мотивы, которые будут перениматься и развиваться новой белорусской литературой как свои, собственно национальные. Особенно сильно звучал в творчестве А. Мичкевича мотив любви к родине. А чувство любви к родному краю составляло важнейший элемент зарождающегося национального сознания, без утверждения и развития которого невозможно было бы само существование новой белорусской литературы. Вот почему строки из поэмы А. Мичкевича "Пан Тадеуш": "Отчизна милая, Литва! Ты как здоровье..." принадлежат равно как польской, так и белорусской литературе. После А. Мичкевича появились польско-белорусские, русско-белорусские писатели и, наконец, "чисто" белорусские.

Вывод: близость литератур, их широкое взаимодействие в определенных исторических условиях могут служить мощным объективным фактором возрождения национальной литературы, гарантией ее движения вперед.

Д. Н. Будагова

ОСВОЕНИЕ ОПЫТА ИНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ /на материале поэзии Незвала, Новомеского/

Творческое освоение опыта инонациональной литературы, как фактор эстетического развития, проявляется особенно активно в XX-м столетии, в эпоху возросших контактов и связей.

Своеобразный интерес приобретает эта проблема, рассмотренная на примере творчества поэтов, связанных с авангардистскими течениями. Демонстративно отрекаясь от классического искусства, декларируя свою связь с европейским авангардизмом, представители чешского поэтизма, например, как бы сами адресуют последователей к первоисточникам своего искусства. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что внимание демонстративное, декларационное далеко не всегда совпадало с фактическим. Интерес поэтистов к европейскому авангардизму/футуризму, дадаизму, сюрреа-

дизну/ довольно громко рекламировался, но в процессе творческой практики воспринимались лишь выборочные, отдельные элементы этих течений, связанные со стилевыми поворотами авангардизма.

А демонстративно отвергая традиции реалистического искусства, многие чешские поэты/Незвал, Бабл, Сейферт, Завада/ в конце концов приходили к их воссозданию в своем творчестве. И неправомочно достижения этих художников "выводить" лишь из их авангардистских увлечений. Влияние чешских поэтов XIX века можно фиксировать в творчестве "антитрадиционалистов" как проявление литературной ответственности, преодолимости которой постепенно осознается и в теоретических рассуждениях. В процессе стихотворного творчества происходило перераспределение внимания к фактам искусства, не всегда соответствующее субъективному мнению художника. Так в творческой биографии Незвала очень часто мелькало имя Аполлинера, что давало основание некоторым исследователям делать вывод о влиянии французского поэта на Незвала. Но Аполлинер нужен был Незвалу прежде всего, как авторитет, как аргумент для обоснования некоторых эстетических принципов. Незвал во многом "совпадал" с Аполлинером по масштабу и характеру дарования, но приходил к сходным результатам независимо от французского поэта.

Творчество Незвала 30-х годов дает интересный материал для выявления разных аспектов значения фактора литературного влияния в искусстве. Превю, Дикла, Бомарше, Вдийон, Неруда, Маха, Пушкин – вот неполный перечень художников, вдохновлявших одного из самых оригинальных и самобытных чешских поэтов. Незвал откровенно "подражал" многим из них, создавая произведения по готовым "литературным мотивам", пользуясь уже кем-то придуманными схемами и коллизиями. Но готовые схемы он наполнял своим, оригинальной поэзией, часто выигрывая соревнование с "первоисточником". Он был хозяином положения, осваивал для чешской поэзии подчас чуждые национальными литературными возможностями, развивая их с помощью собственного творческого опыта и предлагая в свою очередь мировой поэзии новые пути и решения. Новаторское и самобытное, национальное и интернациональное, эрудиция

и оригинальный талант — приходят в сложное взаимодействие при соприкосновении большого художника с фактами мирового искусства, давая жизнь новым большим творениям. Литературное влияние — не как давящая сила, сковывающая самообытность, а как "отмычка" для новых самообытных решений, как фактор творческого освобождения дремлющих в поэте сил, — вот тот аспект, который обретает эта проблема в контексте зрелого творчества Незвала.

Незвал и Новомеский. В лучших произведениях словацкого поэта — незваловские интонации, ритмы, система образов/"До города тридцать минут"/. Новомеский — поэт несравненно более рассудочный, более сдержанный в выражении чувств и образной инструменталке, чем Незвал, в период расцвета своего творчества вступает на путь, формально проложенный Незвалом. Влияние это или типологическая общность? Обращение ли это к опыту более зрелого мастера за поддержкой, или сознательная перекличка с разным партнером? Видимо, второе. Незваловские интонации, ставшие естественными интонациями Новомеского, незваловские ритмы, ставшие ритмами Новомеского, как бы очерчивали объективно существующий высокий уровень современной чехословацкой поэзии, на который независимо/или не столь зависимо, как может показаться/поднимается и словацкий поэт.

Е.П.Дьвова

К ПРОБЛЕМЕ РУССКО-БОЛГАРСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XIX ВЕКЕ

1. Болгарская художественная культура эпохи национального Возрождения и аспекты ее изучения. Относительная изученность литературных связей этого периода, одабая изученность проблем образования, в частности, вопросов художественного образования. Обоснование необходимости изучения формирования национальной культуры болгарского народа на этом поворотном историческом этапе.

2. Внутренние процессы развития болгарской культуры, обусловленные социально-экономическими условиями, роль национально-освободительной борьбы болгарского народа, определяющей характер демократической болгарской культуры.

3. Активизация связей болгарской культуры с культурой других стран. Особая роль русской культуры и русско-болгарских связей в эпоху болгарского Возрождения.

4. Болгарская культура и ее контакты с русской культурой на материале архивных документов. Оценка основных процессов формирования национальной культуры в их совокупности, исторической обусловленности. Идентификация ориентации представителей болгарской культуры. Становление светского мировоззрения.

5. Формы, пути и масштабы творческого освоения опыта европейской художественной культуры в Болгарии. Русская художественная школа — Московское Училище живописи, ваяния и зодчества и Академия Художеств, атмосфера русской культуры 50-70-х гг. XIX в. и болгарская художественная школа в процессе ее становления. Ведущие тенденции развития болгарского искусства. Сочетания реализма/как основы творчества болгарских художников/с элементами сентиментализма, романтизма.

6. Болгарский портрет как проявление интереса к человеку в эпоху Возрождения и роль русского портретного искусства.

А.А.Морозов

ПРОБЛЕМА БАРОККО В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ

1. Понятие барокко позволяет объединить в рамках этого стиля произведения и жанры ранее изучавшиеся изолированно, вне взаимных исторических связей. Славянское барокко неотделимо от истории европейского барокко, как часть общего исторического процесса, но вместе с тем при его изучении не следует исходить только из совокупности черт и признаков западно-европейского барокко. Оно обладает отличительными особенностями, отвечающими конкретной исторической ситуации, национальным и культурным традициям, сложившимся в каждой стране.

2. Барокко — такое же широкое культурно-историческое понятие, как Готика и Ренессанс. В нем осуществляли различные идеальные и художественные течения, имевшие общие черты и расходящиеся во многих частностях. Критерии культу-

ры Ренессанса, не выдержавшей напора исторических противоречий, сопровождался дальнейшим распадом Средневекового мировоззрения, усилением тенденции к пантеизму и пансофии, появлению розенкрейцеров и различных мистико-хилиастических течений. На этом фоне надлежит рассматривать деятельность Квирина Кульмана, воззрения Я.Беме, сочинения утопистов XVII в. После разгрома крестьянских войн и городских восстаний XVI—нач.XVII в. стремление к социальному и национальному освобождению/в частности, от гнета Габсбургов и Османов/, принимало мистифицированное выражение, в том числе и у Амоса Коменского, использовавшего в политических целях "пророчества" чешских визионеров/"Свет во тьме", 1657/.

3. Барокко отвечало совокупности умственных и художественных течений эпохи. Его нельзя ограничивать конфессиональными рамками. Контрреформация лишь использовала и отчасти культивировала некоторые формы и жанры в области архитектуры, церковной проповеди, школьного театра и пр./, но не породила и не исчерпала барокко. Виднейшие поэты барокко в Германии /А.Грифус/ и Польше /Згигнев Морштин и др./ были протестанты. Оно получило распространение в православных странах /Украина, Россия/.

4. Барокко не означало простого возвращения к средневековым идеям и формам. Оно не отказалось от художественного наследия Ренессанса, а продолжало и развивало его в сторону большей глубины и выразительности. Это важно для славянских стран, где барокко отчасти принимало на себя функции Ренессанса.

5. Оживление аристотелизма и интерес к схоластической логике и риторике в это время не только отвечал устремлениям Контрреформации, но и подготовлял почву для развития рационализма. Это особенно важно для славянских земель, где новая наука и эстетика вызревали в недрах духовной школы, и где идеи раннего Просвещения находили свое выражение в формах барокко.

6. Развитие барокко в славянских странах связано с интенсивным становлением национальных культур. Национальные варианты славянского барокко возникали в сложном

взаимодействии заимствуемых форм и предшествовавших художественных традиций, что обеспечивало их национальное своеобразие. В литературе барокко проносятся ломка традиционных жанров, трансформация художественных средств, приобретение новых функций. Характерно вовлечение публицистического и научного материала, что приводило к сближению литературных и внелитературных жанров. Барокко часто апеллирует к народной традиции в изобразительном искусстве и к фольклору, что придает ему жизнеутверждающую силу /Украина, Словакия и др./.

7. "Пестрота" и стилизовое разнообразие проявления барокко в различных странах объясняется не только особенностями становления национальных стилей, но наличием различных стилизованных уровней, отвечающих требованиям жанровой стилистики, принятой эстетикой барокко и поддержанной его художественной практикой. "Высокий стиль" или стилистически уровень в героической поэме, трагедии, оде /отличен риторической приподнятостью, сложной метафорикой, аффрикативностью. В "среднем" наблюдается ослабление метафорической напряженности /пастораль, элегия, любовная лирика и отчасти духовная поэзия/. К "низшему" относятся комедия, занимательная проза, гротескно-комические жанры, связанные со "школьной традицией" /пародирование богослужебных текстов, юридических документов и формул и пр./ Это различие стилизованных уровней только отчасти связано с социальной дифференциацией. Между отдельными жанрами не прекращается взаимодействие, обуславливающее их единство в пределах общего стиля Барокко. Литература бурgeoisных кругов и близкая к народной массам широко пользуется барочной риторикой и часто обращается к книжным источникам.

8. Важнейшей задачей изучения славянского барокко является установление стилизованных соотношений и взаимодействия литературы и других видов искусства /архитектуры, живописи, музыки/, отражающих общие эстетические принципы и тенденции в развитии стиля. В частности, представляется особенно важным изучение эмблематики славянского барокко.

ИДЕЙНЫЙ КОМПЛЕКС "ГУМАНИЗМ-РЕФОРМАЦИЯ-КОНТРЕВОЛЮЦИЯ" В ЕГО ЕДИНСТВЕ И ПРОТИВОРЕЧИЯХ /по литературам Чехии, Польши и Белоруссии /.

Вторая половина XVI и первая половина XVII в. в истории литератур Чехии, Польши и Белоруссии были периодом исключительной сложности. Проблематика этого периода характеризуется не только противоречивостью социально-политических и экономических условий и внешними влияниями, но и тем фактом, что в сфере идеологии происходило наложение трех течений общественной мысли, связанных с гуманистической идеологией, реформационным мировоззрением и феодально-католическим политиком, нередко выступавшими в виде комплексного идейного сплава.

Возрождение, обычно чрезмерно идеализируемое исторической наукой и литературоведением, в рассматриваемый период уже отчетливо являло отрицательные черты своей эволюции. Дотоле прогрессивная концепция "самодовлеющего" человека постепенно стала перерождаться в явно неудовлетворительную концепцию оторванного от духовности существа, ограниченного лишь задачами своего материального повседневного бытия. Идеальные побуждения людей были утоплены в "ледяной воде" коммерческого расчета; хладность, страсть к "чистогану", разнузданное своеволие человека, зародившиеся и расцветшие в эпоху Возрождения, искажали уместный и духовный облик самого индивидуума.

В недрах славянского Возрождения, как и у европейского, отчетливо выявились два направления развития. Одно, представленное сравнительно немногими мыслителями, увлекало человечество вверх, расширяя его знания об окружающем мире. Другое направление обещало человеку лишь земные материальные блага, удовольствия, полную свободу проявления инстинктов; человек порвал нити, связывавшие его с лучшими достижениями Средних веков. Скрамность, аскетичность, доброта, духовность были постоянными жертвами эпохи. Если Средние века были "кузницей" духовности, то Возрождение стало "мастерской" материальности.

Принципиально важно видеть в каждой эпохе "начала" и "концы", а также выявлять в каждом общественном явлении его прогрессивный апогей, сравнивая "вершины" каждого периода. В подобных случаях выявится наглядно, почему, например, принцип "работство по убеждению" пришел на смену принципу "работство по насобности", почему "внутренний поп" победил "попа вне мирянина", а "христианская мудрость" снова взяла верх над "мудростью языческой".

Реформация, позаимствовав многие черты от Возрождения, растворила культурные и эстетические идеалы гуманистов в массе людей, приведенных ею в движение. Произошло "разжижение" этих идеалов, ослабление их "рационального зерна", поскольку средний человек периода Реформации еще не возвысился в достаточной мере до понимания провозглашенных гуманизмом идеалов. Религия стала выступать в несколько функционально обновленном виде: в ней было усилено морально-этическое содержание.

Идеологи Реформации были убеждены, что "дом господен", то есть церковь, стал "прибежищем дьявола". Поэтому они, унизившая власть и влияние церкви, увеличивали значение светской религии. Но пропорция, в которой числителем было светское, а знаменателем церковное, постепенно увеличивалась, отражая неумолимый процесс углубления секуляризма мышления, несмотря на ожесточение католического регламента и дисциплины. Эта пропорция выражает "меру прогрессивности" той или иной формации или человека в рамках его "исторического поведения".

Реформацию невозможно рассматривать "рецидивом Средневековья"/И.Н.Голенищев-Кутузов/ хотя бы потому, что она распатала устои одного из могущественнейших феодальных институтов, — церкви. Требовать от Реформации большего — значит, забывать о наличии "меры прогрессивности" в каждом общественном явлении и допускать отход от принципа исторической объективности.

Если Возрождение было попыткой оторвать человека от бога, то Реформация осуществила попытку одичания материальности с духовностью. Контрреформация же/которую мы и можем оценивать как подлинный "рецидив Средневековья" на

новом уровне/ безрезультатно стремилась вернуть жизнь на стезю духовности и религиозности экстаза, направить движение от действия к созерцательности.

Сама Реформация взрыхла и удобрила почву для Контрреформации. Славянское самосознание и идеи славянского братства, сформулированные в исторических трактатах эпохи Возрождения, обретали те черты, которые укладывались в требования "католическо-контрреформационных панославистов"/З.Неедли/. Католицизм вносил в культуру славян элемент космополитизма, тушевал проблемы собственно национальные. Панславизм относился орудием римской экспансии: он готовил ареал для дальнейшего распространения католической идеи в славянских землях. "Барочный славизм", общерушимый в произведениях М.Орбини, И.Гундулича, Ю.Крыжанича, В.Потоцкого и др., был подготовлен историографическими трудами М.Маховского, М.Кромера, В.Прибоевича, В.Гаека, М.Стриковского, созданными в эпоху Возрождения. Славянская тематика, связанная с актуальной действительностью века, поднятая в художественных сочинениях ренессансных авторов, постепенно вытесняется и заменяется тематикой космополитической в духе проповеди конфессионального единства. Социальные мотивы из произведений удаляются, обычно посредством цензуры. Критика принципов, на которых осуществлялась государственная власть, вообще не допускается. Основным родом чешской, польской и белорусской прозы становятся богословско-полемические трактаты, дидактические и нравственно-этические сочинения. Усиливается интерес к светским сочинениям Фредних веков. Переводы и осовременивая их, славянские писатели способствовали усовершенствованию литературного языка прозы.

Гуманистическое содержание чешской, польской и белорусской культуры в эпоху феодально-католической реакции подвергалось переосмыслению. Под влиянием наступающей Контрреформации гуманизм постепенно суживал сферу своего воздействия. Но впечатление, произведенное им однажды, осталось в истории фактором, отразившимся на дальнейшем развитии культуры и в более позднюю эпоху, в частности, в эпоху Просвещения.

ТИПОЛОГИЯ ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЫ БОЛГАРИИ И РУСИ

IX-XII вв.

1. Типология жанров как действенный метод современных литературоведческих последований.

2. Установление 1-го комплекса типологической общности ораторской прозы Болгарии и Руси.

а/ Восприятие южными и восточными славянами системы красноречия греко-византийского мира, состоящей из двух поджанров "учительного" и "торжественного".

б/ Сравнение конкретного состава произведений "торжественного" и "учительного" красноречия Болгарии и Руси IX-XII вв.

в/ Двойная функция систем ораторской прозы южных и восточных славян: служебная и художественная.

г/ Становление теории красноречия славянских народов под влиянием греко-византийских руководств/Гермоген, Афанасий, Манаандр, Херобоск, Иоанн Златоуст, Григорий Назпазие, Василий Великий/.

3. Установление 2-го комплекса типологической общности ораторской прозы Болгарии и Руси:

а/ Единство литературного языка,

б/ подобие процессов в жизни феодального общества,

в/ общность мировоззренческих позиций писателей,

г/ наличие непосредственных контактных связей между Болгарией и Русью.

4. Особенности развития ораторской прозы Болгарии и Руси:

а/ Болгарская ораторская проза состояла как бы из двух этапов/переводные с греческого и оригинальные памятники/.

б/ Ораторская проза Киевской Руси состояла как бы из трех этапов/переводные с греческого, оригинальные болгарские и оригинальные русские памятники/.

в/ Вступив позже Болгарии на путь развития своей отечественной культуры на основах христианства, Русь имела возможность использовать опыт Болгарии и пойти дальше

в развитии своей ораторской прозы/панегирики острокни
властителей, всенародная речь, похвалы местным святым/.

г/ Тесная связь русского проповедничества с политиче-
ской жизнью Русской земли, ее насущными нуждами и стремле-
ниями. Примеры: произведения о Клименте Римском и "Слово
о законе и благодати" Илариона.

А.В.Диплатов

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЛИЯНИЯ И ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ

/оотношение к критерии/

В свое время компаративизм^{х/} внес важный вклад в
изучение истории литературного процесса, открывая одну из
первых страниц в истории воссоздания картины мировой лите-
ратуры, как единого, взаимосвязанного и взаимодействующе-
го целого/а не конгломерата отдельных национальных литера-
тур/. Теперь - в перспективе времени - отчетливо видны
как достижения, так и просчеты предшественников./О про-
счетах нужно помнить, чтобы их не повторять, о достиже-
ниях- чтобы их использовать и развивать/. О просчетах пи-
сались и говорилось много. Остановлюсь на достижениях.

До сих пор сохраняет актуальность вывод нашей куль-
турно-исторической школы о том, что влияния и заимствова-
ния подготавливаются и обуславливаются культурно-истори-
ческими условиями жизни определенного общества. Те явле-
ния, которые мы называем типологически общими, видим их ге-
незис не в сфере заимствования, а в историко-типологиче-
ской аналогии, были выявлены и квалифицированы в русской
науке еще в 80-х гг. XIX в./этнографическая теория А.Н.Ве-
селовского/. Не останавливаясь на просчетах теории бродя-
чих сюжетов/они были отмечены еще в XIX в./, теперь, в пер-
спективе достижений современной литературоведческой науки
эта теория представляет интерес в том объеме, в каком от-
ражает объективные закономерности: до XVIII в. не суще-ство-

х/Условно пользуюсь этим определением для обозначения ме-
тодологически разных школ XIX -нач.XX в.в., занимавшихся
изучением литератур в их связях. В таком смысле этот тер-
мин используется нашими коллегами из социалистических
стран.

задо сопременного понятия оригинальности в отношении фабулы, сюжета, типов. Даже крупнейшие писатели Возрождения, Барокко, Классицизма пользовались мотивы из произведений предшественников. Оригинальность тогда заключалась в своеобразии идейно-эстетической обработки известного сюжета, а не в его создании. Ломка понятия оригинальности совершается в эпоху Просвещения/причем не сразу и не во всех жанрах/. Поэтому в прежнем объеме теория бродячих сюжетов в признании к литературе XIX-XX вв. не плодотворна, ибо не отражает нового отношения творца к художественному материалу и методам его организации/что отнюдь не означает отсутствие заимствования - с XIX в. это явление выступает в полном объеме/.

Особая проблема - соотношение заимствования, влияния и типологической общности.

Заимствование, равно как и влияние, отнюдь не равнозначно типологической общности, если речь идет о произведениях разных эпох, различных литературных направлениях. В данном случае можно говорить об использовании одного и того же мотива, влияния тех или иных особенностей в русле разных поэтик. В пределах разных типов художественного видения не только аналогичные мотивы, но и приемы обретают разные философско-эстетические функции и смысловое звучание. Суть в том, что определенная художественная структура в своей эволюции сама достигает такого уровня, когда становится в силу своей внутренней логики открытой для определенных явлений извне - явления из иных структур. Причем имеется в виду не только усвоение отдельных сюжетных линий, типов, образности и т.п., а включение, ассимилирование определенных элементов/созданных в других структуральных системах/ внутри своей/новой/структуры. Таким образом и воспринимаемая структура и воспринимаемые элементы других структур обретают новое качество.

О типологической общности можно говорить, когда налицо явления, относящиеся к одной и той же художественной системе /например, классицизм, романтизм и т.п./, обусловленные одними и теми же закономерностями. Поэтому критерий типологически общего следует искать в сфере историче-

ской поэтики. В данной связи также возникает необходимость в изучении литературно-эстетических теорий минуемого, отражающих и одновременно обуславливающих литературную практику. И здесь в литературоведении СССР и социалистических стран в последнее время появилось ценные работы. Выявлению философско-эстетической сущности способствует анализ специфики структуральных функций элементов сопоставляемых явлений. В этой связи заслуживают внимания работы наших зарубежных коллег. Сравнительное литературоведение должно использовать достижения других областей литературоведческой науки так же как они издавна используют ее открытия.

А.М.Панченко

КУЛЬТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ

Славянские литературы средних веков принадлежат к двум культурно-эстетическим кругам — православному и католическому. Учитывая многочисленные историко-социальные факторы, способствовавшие образованию этих кругов, естественно допустить, что и православие, и католичество содействовали формированию принципиальных отличий в словесной культуре. Приведем два примера.

1. При обозрении литературного быта бросается в глаза большая анонимность православной книжности по сравнению с западнославянской. Для объяснения этого факта нам представляется полезным сопоставить концепции оправдания христианина в православии и в католичестве.

Согласно католической доктрине человек силой крещения очищается от греха. Оставшееся в человеке плотское начало теряет свойство греха. Человек может победить плотское начало и оправдать себя перед богом своими заслугами, делами^{1/}. Если человек оправдывает себя делами, то писатель оправдывает себя литературным трудом; требуется доказать, что писательство угодно богу. Для доказательства привлекалась идея о божественном происхождении

1/ См.: К.Ф.Самарин. Сочинения, т.5. М., 1880, стр.27-30.

прекрасного, запечатленного у Платона. С другой стороны, Писание рассматривалось как поэтический памятник/хотя бы частично/ уже со времен Данте и Петрарки. Поэзию находили не только в Ветхом Завете, но и в Новом, считали поэто-самки Елизавету и децу Марию, и поэтом - самого Христа. В результате Слово божие и Слово как первоэлемент литературы как бы отождествлялись. Этот идеал привел к представлению о писателе как о "втором боге"/Скаднгор/, который словом творит новую реальность. Они создали на Западе тип писателя-профессорнала, который в России появился только в XVII в. - с приездом Симеона Полоцкого, разделявшего католическое учение о благих делах.

В православной традиции считалось, что человек не может вообще избавиться от греха - независимо от дел. Смертный обязан осознавать свою греховную природу, отречься от собственной греховной личности; именно в силу постоянного признания греховности человек как бы освобождается от греха. Такая позиция характерна, например, для Аввакума, который проповедовал "чистое", идеальное православие/разумеется, мы намеренно подчеркиваем разногласия между католичеством и православием, отвлекаясь от неизбежных колебаний внутри того и другого/. Главное для Аввакума - смирение, а гордыня - великий грех: "Мрако богу горделивого и доброе дело!" Сам Аввакум - писатель, но писатель "по нужде": в кризисные времена каждый из "народа церковного" может и обязан стать "учителем"/писателем/, бороться за чистоту веры и прославлять бога пером. Но как профессиональное занятие, как индивидуальное "самовыражение" писательство безусловно греховно. Все это и придает русской литературе до XVII в. оттенок анонимности.

2. В литературе восточных и южных славян смех был под запретом. Это отмечали даже в XVII в. единоверные греческие пастыри. Архиепископ Павел Алеппский записал при переезде русской границы: "Сведущие люди нам говорили, что если кто желает сократить свою жизнь на пятнадцать лет, пусть едет в страну московитов и живет среди них, как подвижник... Он должен уразднить шутки, смех и развяз-

ность "I". О запрете на омах Павел писал и в Москве.

Эти наблюдения относятся к литературной сфере. Между тем запрет на омах был эстетической нормой, а не вынужденным приспособлением, о чем свидетельствует поэзия виднейшего украинского перарха и писателя ХУП в. Лазаря Барановича. Ишем в виду написанное по-польски стихотворение "О омах" /1671/, начинающееся предостережением "Берегись омаха - он шаг к греху", к которому можно подобрать сколько угодно аналогов в русских пословицах /"Где грех, там и омах" и т.п./. Отрицание омаха обосновывается ссылкой на Писание, а именно тем, что Христос никогда не омажся.

Украина и после воссоединения с Россией еще долго сохраняла церковную и культурную самостоятельность, и филиппика против омаха возникла, конечно, не по желанию угождать Москве. Показательно, что стихотворение "О омах" написано по-польски; оно явно выполняло полемическую функцию, потому что в католицизме омах допускался - даже в личной проповеди.

Этим двумя иллюстрациями к обмену тезисов мы вынуждены ограничиться. Заметим, однако, что разногласия между католичеством и православием позволяют также объяснить отсутствие у южных и восточных славян книжной любовной лирики/поскольку не было гипертрофированного культа мадонны и выпячивания человеческой сущности Христа/, а также и другие специфически литературные моменты.

Ю. И. Смирнов

О МЕТОДИКЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ /на примере эпических песен/.

I. Сопоставительное, или сравнительное, изучение славянского фольклора стало особенно заметным явлением в советской науке, начиная с IY Международного конгресса славистов /Москва, 1958/. На нем В. М. Жирмунский высказал ряд положений о типологическом объяснении сходства фольклор-

I/ Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине ХУП в., вып. 2. М., 1897; с. 101.

ных произведений. Они не противостоят традициям, идущим от исторической школы, обращавшей внимание на национальные особенности эпической поэзии. Мысль В.М. Жирмунского получила широкую поддержку, помогая объяснению сходства фольклорных явлений у разных народов. В то же время генетическим истокам фольклора родственных народов внимания уделялось меньше.

Методологически неправильно принимать за аксиому какую угодно причину сходства фольклорных явлений, только к ней подводить соответствующие обзоры материала, пользуясь им до сих пор выборочно. Выяснение причинности есть параллельный и побочный результат фольклористического исследования. Оно не должно быть ни прокрустовым ложем, ни самоцелью.

2. По нашему мнению, одна из основных задач изучения фольклора — выявление его истории/эволюции/, понимаемой не статично и изхристически. До сих пор мы еще не научились должным образом показывать эволюцию вероисповедного произведения, сопоставимых произведений, групп и больших серий произведений, объединяемых одной темой, а также героем или эпическим центром, целых фольклорных систем/например, песенной поэзии/. А без этого изучение связей фольклора с историей народа оказывается внешним и механистическим. Больше того, историческими сведениями, подчеркнутыми из разных не фольклорных источников, нередко подменяется история фольклорных произведений.

3. Возьмем, к примеру, былинку "Алтен Глудович". Соглашусь с предшественниками в том, что она является новгородской по происхождению, однако попробуем не удовлетвориться только этой констатацией и еще раз оценим ее содержание. Хотя в центре былинки стоит очень актуальный для времени записи конфликт между вдовами, матерями девицки и молодец, некоторую роль в нем играет и конфликт между молодец и братьями девицки. Именно этим конфликтом былина сближается с другими русскими эпическими песнями /"Алеха Попович и сестра братьев Сброловичей" и др./, а это уже позволяет утверждать, что "Алтен Глудович" — лишь новгородская разработка общерусского сюжета. Песни с тем

же конфликтом, более разнообразные и интересные, обнаруживаются и у других славян/болгар, украинцев, поляков, словаков/, что побуждает ставить вопрос об общих генетических истоках. Тема столкновения молодца с "братьями", т.е. представителями другого "рода-племени", из которого молодцу, быть может, и нельзя было брать девушку, выглядит достаточно древней, а славянские разработки этой темы могут быть соотносены в эволюционных отношениях.

4. Сопоставительное изучение фольклора нескольких народов/правомернее поначалу брать материал народов родственных или соседних/ есть естественный этап фольклористического исследования. К нему приходят тогда, когда ощущается потребность выявить специфику данного этнического материала и обнаружить основные звенья его эволюции. В этом отношении история южнославянских песен нередко может быть показана без привлечения песен других народов. Но чтобы подтвердить их общеславянский характер, обязательно нужно привлекать песни славян других языковых групп. Хуже обстоит дело с песнями восточных и западных славян. Их историю вообще нельзя узнать без сопоставления, по меньшей мере в пределах всего славянского ареала.

Последовательное применение предложенных приемов, предельный учет текстов, постоянное видение широких связей между произведениями, делают сопоставительное изучение фольклора эффективным этапом в исследовании истории фольклора отдельного народа, родственных или соседних народов. Без этого этапа, полагаем, невозможно проведение логически следующего порядка исследований по сопоставлению славянского материала в целом с материалом германцев, романцев, финно-угров и т.д.

К. Н. Григорьян

К ТИПОЛОГИИ РОМАНТИЗМА /М. Ю. Лермонтов и К. Г. Маха/

Известно ли достаточно основания, чтобы ставить рядом имена этих двух славянских поэтов, хотя и творивших в одну и ту же эпоху, но на различной национальной почве, поэтов двух народов различной исторической судьбы, раз-

няя, исходя из положения Белинского о том, что "основные законы искусства - одни и те же во всех искусствах". Но на этом пути много преград. Нужны еще огромные усилия по углубленному и всестороннему анализу творчества виднейших представителей романтического направления во всех видах искусства со специфической задачей выявления типологических признаков романтизма, его поэтики и эстетики. При этом предметом исследования должно стать творчество романтиков, а не их высказывания, декларации, теоретические построения, которые могут служить лишь дополнительным источником. Романтизм нужно изучать, если можно так выразиться, изнутри.

Романтизм, как известно, не был однороден даже в рамках одной национальной литературы. Задача исследования заключается в установлении разнообразностей внутри движения как с точки зрения генеалогического родства, общности, идущей по линии сходства социального бытия, исторических предпосылок, эстетических представлений эпохи, так и по типологии, по характеру поэтического мирозерцания.

Сравнительное изучение литературы не только допускает, но и предполагает выбор аспекта исследования. Однако в любом случае нужно соблюдать осторожность при сопоставлении двух разных, яркоамбивтных, индивидуально-неповторимых явлений, чтобы искусственно не притягивать их друг к другу, не увлекаться неоправданной генерализацией частностей.

Дермонтов и Маха жили в разных странах, не знали друг друга, не было между ними какого бы то ни было непосредственного контакта. Но они жили в одну и ту же эпоху расцвета романтизма, оба рано ушли из жизни, и немало общего как в их судьбе, так и в поэтической натуре.

Эти два поэта тесно соприкасаются на едином почве мятежного/байроновского/ романтизма с его сосредоточенным вниманием к внутреннему миру личности, "жизни сердца"/"биографии души"/, с преобладанием "благородной субъективности", лиризма, характером восприятия "грубой природы", действительности, "очищенной и облитой" мечтой,

личных культурных традиций? Какова цель подобного сопоставления, и что может обещать параллельное изучение их творчества?

За последние годы как у нас, так и за рубежом внимание исследователей все больше привлекает история и теория романтизма. Выявились отчетливо и различные подходы, в частности, и к проблеме типологического изучения романтизма. Некоторые последователи выражают сомнения в плодотворности типологического аспекта. Скептицизм в этом случае может быть оправдан отсутствием достаточно прочной почвы для теоретических обобщений. Предстоит еще большая работа по конкретному изучению романтизма, как факта истории литературы, во всем его многообразии индивидуальных проявления в рамках национальной специфики.

Конкретно-исторический аспект требует на первых порах хотя бы простого описания явлений, фиксирования исследовательской мысли на самих фактах, писателях, произведениях, анализа их, с целью выявления их национальных и индивидуальных особенностей. Не отрицая первостепенного значения историко-литературного аспекта, нельзя в то же время игнорировать необходимость обобщения добытых результатов. Историческое и теоретическое, в данном случае типологическое изучение романтизма тесно взаимосвязаны. Эти два аспекта должны идти рядом, обогащая друг друга. Теоретические предпосылки своего рода комплекс, без которого трудно представить историко-литературное изучение. Невозможно отказаться от общего понятия романтизма как эстетической категории. Другое дело, что теоретические предпосылки нельзя придумывать отвлеченно-умозрительным путем. Они должны вытекать из конкретного исследования историко-литературного процесса, изучения исторического опыта художественного направления, творчества виднейших его представителей с выявлением наиболее характерных признаков определенного типа романтического мирозерцания.

Нет сомнения, что при таком аспекте наиболее плодотворным явилось бы комплексное рассмотрение романтизма во всех видах искусства как единого эстетического явле-

романтической концепцией любви, враждой к орде, такой рока и гордого одиночества, трагической судьбой героев, напряженным чувством природы с тяготением к ночному пейзажу.

Сопоставительно-параллельное изучение творчества Лермонтова и Мухоморова преследует цель выявления общих признаков, близости и родства мироощущения, жизненной и литературной позиции двух видных представителей определенного типа романтизма, обозначенного нами термином "высокий романтизм".

А.П.Соловьева

НЕКОТОРЫЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ ЧЕШСКОЙ И РУССКОЙ ПРОЗЫ СЕРЕДИНЫ XIX века

Типологический подход к изучению явлений литературного развития может дать положительные результаты лишь в том случае, если понятия литературного направления и литературного метода будут рассматриваться как исторические категории, если будут учитываться закономерности их возникновения и развития. Это относится и к понятиям реалистического направления и метода. В противном случае типологическое сопоставление может привести к обобщению не генеральных, "родовых" признаков литературного явления, а второстепенных и случайных особенностей.

Художественный поиск может вестись в одном или близком направлении скорее всего теми писателями, которые основным ходом историко-литературного развития поставлены в более или менее сходные условия. Речь идет об этапах литературного развития, об этапах развития метода.

Для понимания характера развития реализма в сопоставляемых литературах, или особенностей реалистического письма у сопоставляемых писателей наиболее целесообразным представляется рассмотрение явления одного "пласта", этапа, стадии. Это, однако, не исключает типологических сопоставлений на основе генетических связей, которые, разумеется, должны быть установлены и доказаны. Счевидно, возможно и сопоставление родственных эстетических идей и художественных форм, которые возникают в литературе в

связи с явлением повторяемости.

Наблюдения над развитием чешского реализма прошлого века приводят к выводу о том, что нерудовский этап является периодом утверждения реализма, когда процесс становления, стихийный и часто не осознаваемый творцами первых произведений, отмеченных чертами реализма, выливается в сознательные и целеустремленные поиски и утверждение новых путей развития литературы.

В этом отношении можно сравнивать роль Неруды и мавцев в чешской литературе с ролью и положением натуральной школы в русской литературе/вспомним слова Белинского о том, что натуральная школа пользовалась гоголевским содержанием не лучше, чем Гоголь, но зато сознательнее/. Главное, что их объединяет – это понимание социального детерминизма человеческой личности, поиски типического характера, раскрытие трагических коллизий человека и среды, создание новых литературных форм.

В процессе утверждения реализма в чешской литературе огромную роль сыграл художественный опыт русской литературы, русского реализма. Показательны в этом отношении высказывания Сабины, Неруды, Галека и др. о творчестве русских писателей в связи с целями и задачами, которые стояли перед развивавшейся чешской реалистической литературой.

Типологическое родство русского физиологического очерка и очерков писателей мавцев. Документальная точность и достоверность изображаемых явлений жизни, "рез" жизни по социальным пластам и общественным группам, демократические симпатии авторов и т.д.

Выявление типологических сходжений прозы Неруды к русской реалистической прозе, прежде всего Гоголя – жизненный материал и драматические коллизии, жанровые особенности, образ рассказчика, великий мир и его связь с внутренним миром героев, характер юмора и др.

Некоторые черты нового стиля, объединяющие творчество Неруды с творчеством Чехова, т.е. более поздним "пластом" в истории реализма – раскрытие коллизий в процессе воссоздания обобщенной жизни, показ мечтанства, прошлого,

мелочности, косности, лапшизм/Интересные и спорные наблюдения А.В.Чичерина/.

В.В.Ветт, Г.Я.Ильина

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ В РЕАЛИЗМЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР/конец XIX-начало XX веков/.

Зарубежные славянские литературы к 90-м годам XIX века находились на разных уровнях художественного развития, что было обусловлено особенностями пройденного каждым народом исторического пути. Судьбы реализма в этих и западнославянских литературах на рубеже XIX и XX веков имеют немало общего, что позволяет рассматривать их в типологическом аспекте.

90-900-е годы - эпоха, способствующая объединению разных народов, создавая условия для взаимопризнания национальных культур. В литературной жизни славянских стран появляется в это время все больше общего, объединяющего их как между собой, так и с европейскими литературным процессом. В славянских литературах при сохранении ярко выраженной национальной специфики возникают явления, аналогичные некоторым закономерностям развития русской и западноевропейской литературы.

Реалистическое искусство продолжает свое поступательное движение, движение диалектически сложное, включающее моменты подъема и опадания. Реализм этого времени предстает как явление многослойное, с гораздо большим разнообразием тенденций внутри него, чем в предшествующий период. Для него характерно освобождение от патристально-сентиментальных иллюзий, усиление критики буржуазных отношений. При всей утопичности предлагаемых решений реалистическое искусство вплотную подошло к всеобщему отрицанию существующих общественных отношений. Огромную роль в этом процессе сыграло распространение влияния социалистических идей, что отчасти как в литературном процессе в целом/Болгария/, так и в творчестве отдельных писателей.

Одновременно в реализме этого времени наблюдается поворот к внутреннему миру человека, к углубленному по-

следования психологии современника.

Для критического реализма в зарубежных славянских странах в начале XX века характерна множественность форм и тенденций, связанных с общим для всей Европы процессом: накануне огромных исторических перемен художественная мысль, пытаясь уяснить суть происходящего, давала множественные ответы на поставленные временем задачи. Условно в сложном переплетении разных художественных форм и тенденций можно выделить две основные линии: тяготелущую к поэтике предшествующего периода, к реализму XIX века, и линию, для которой характерно широкое использование условно-метафорической образности, обращение к интеллектуально-философской проблематике и другие особенности, которыми обогатился реализм XX века. Претерпевает изменения и художественная структура. Широкое распространение получают жанры социально-психологического рассказа и романа, сатирической повести, притчи, аллегории. Главенствовавший ранее исторический роман вальтер-скоттовского типа уступает место масштабному общественно-историческому социальному полотну и историческому философско-психологическому роману с ярко выраженным лирическим началом.

Общим для периода рубежа веков в славянских литературах становится появление модернистских тенденций и их взаимодействие с реализмом. Возникшие в это время в славянских странах "модерны" не отличались эстетической определенностью. Понятие "модерн" часто предполагало объединение собственно модернистских тенденций с реалистическими и романтическими. Воздействие общедемократического, национально-освободительного и рабочего движения было настолько сильным, что лишь незначительная часть писателей "модерн" выступала с лозунгами "чистого искусства", большинство же писателей продолжало отстаивать общественный характер литературы. Этим во многом объясняется тот факт, что некоторые важные художественные открытия этого времени возникают на стыке разных художественных тенденций.

На развитии реализма в славянских странах оказалась и плодотворность романтической традиции, поддержа-

ваемой как актуальностью национально-освободительной тематики, так и появлением новых тем и проблем, связанных с революционным пролетарским движением. Обращение к романтической традиции привело к проявлению внутри критического реализма своеобразной художественной тенденции. В романтической форме изображалось стихийное движение масс, утверждалась идея коренного переустройства мира, возмущался подвиг бунтаря-одиночки, вставшего на борьбу за счастье людей.

И.Б.Буравская

МИРОВЫЕ ОБРАЗЫ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

1. Теоретическое решение проблемы существования мировых образов и мотивов, их возникновения, литературной истории, современных интерпретаций. Постановка этих вопросов в советском литературоведении представителями организационно-исторической школы, сторонниками теории миграции в современной зарубежной компаративистике.

2. Обращение к мировым образам и мотивам как одна из форм взаимодействия национальных литератур в их типологической общности, как проявление взаимоотношений национальной литературы с литературами других народов, составляющих в совокупности мировой литературный процесс.

3. Сложность и своеобразие жизни мировых образов в веках. Их общечеловеческая сущность. Изменение функций мирового образа в зависимости от исторической обстановки, идеальных и эстетических воззрений данного времени, творческой индивидуальности автора. Рассмотрение мирового образа не как имманентной категории, а как одного из проявлений литературной жизни на определенном этапе.

4. Особенности Октябрьской эпохи в развитии интернациональных связей, разнообразие форм, новые их качества. Расширение самого понятия мировых образов, мотивов, сюжетов.

5. Образ Ленина — вождя революции. Образы деятелей революционно-освободительного движения, выдающихся ученых, приобретающих, подобно литературным персонажам, значения мифа. Пути создания легенды, связь смысла с историче-

скими событиями, самостоятельная жизнь героев этих событий в художественном творчестве.

6. Сложность и многообразие литературного процесса двадцатых годов, разнообразие форм и направлений. Возрождение античных мотивов у неоклассиков, их связь с парнасцами, общность интерпретации античных мотивов у неоклассиков и символистов.

7. Сложность путей перехода от различных авангардистских, неоромантических направлений к символизму к революционной поэзии. Переосмысление хротпанской и облейской символики, образные аналогии у А.Блока, В.Брюсова, Ю.Тувима, И.Волькера, Д.Загула.

8. Полемическая трактовка мировых образов как реакция на культуру прошлого, как один из путей осмысления революционной действительности/образ Гамлета у М.Бакмана, Фауста у П.Тычина, Дон Жуана у А.Блока, А.Влзко, "Сотворение мира" П.Тычина, "Великий хан" В.Подшук./

9. Расширение традиционных понятий, переосмысление известных образов. Возрождение образа Прометей как образа освобожденного народа. Погашение произведений, посвященных великим ученым, писателям, композиторам/М.Бакман, П.Тычина, М.Рыльский, М.Иогансен, Е.Плужник, К.Библ/.

10. Широкое обращение к мировым образам в современной литературе, обусловленное ее философско-интеллектуальным характером. Новая жизнь мировых образов и мотивов, выражающая связь писателя с современными событиями, его отношение к актуальным вопросам своего времени.

11. Жизнь мировых образов, в частности, Фауста, Мефистофеля, Прометей, Гамлета, Дон Кихота, Дон Жуана, выходящая за рамки определенного сюжета. Философско-эстетический смысл образа, существующий независимо от сюжета и от первоначального характера персонажа.

12. Многоплановость и широта сюжетных и философских линии "Фауста" Гете, дающих широкие возможности для различных аналогий и символов. Интерес к образу Фауста, олицетворяющего идеи социального и культурного прогресса в эпоху технической революции, в атомный и космический век. Решение фаустовской проблемы абсолютной и относительной

ценности времени – подлинного бессмертия человека. Утверждение деяния как первопринципа всего сущего/А.Луначарский, И.Кочерга, Я.Квашевич, А.Левада, М.Яструб, Л.Костенко/.

13. Двойной смысл многих античных мифов в современной интерпретации. Переосмысление образа Антея в связи с научно-технической проблемой земного тяготения. Интерпретация образов Икара и Дедала как воплощение извечной мечты человечества в век космических полетов. Чапекоская проблема использования достижений науки в целях войны и трагедия Икара в мире, раздираемом войнами и капиталистическими противоречиями/Ф.Грубин, К.Бюб, В.Броневский, Б.Олейник, В.Коломпец, В.Коротич/.

14. Значение мифа о Прометее, связанного с личностью Титана, олицетворяющего неприимность человеческого духа и с образом огня, дарованного Прометеем человечеству. Самостоятельная жизнь этого образа в литературе, живущего часто независимо от сюжета. Огонь Прометея, омыволзпуршши олуженне лудям, п тот же огонь, ставший орудем в руках агрессоров /А.Малышко, И.Драч, С.Цанев/.

15. Современные трактовки образа Дон Кихота, Гамлета, как олицетворение борьбы за высокий идеал, против оскорности, приземленности, человеческой подлости. Проблема Дон Дуана как проблема отчуждения современного человека не только от людей, но и от собственной сущности /М.Фриш, Л.Первомайский, М.Рильский, Б.Олейник, А.Коротич, Б.Бутушенко/.

16. Переосмысление мировых образов в произведениях, посвященных борьбе против фашизма, империалистической реакции, проблемы ответственности писателя, его сопричастности страданиям человечества/Иозеф Томан, Т.Манн, Я.Квашевич/.

17. Ассоциативность современной поэзии, наполненной реминисценциями и образными аналогиями/образ костра, на котором сожгли Джордано Бруно, ассоциируется с пепелищами сожженных деревьев, печати Освенцима. "Пепел Клааса" – как символ совести поэта. Образные ассоциации у Ружевича, Тувима, Бехера, Эльвара, Незвала, Грубина, Новомеского,

Стоянова, Бакина, Рильского, Различко, Дрозд, Вингра-
новокого, Коломийца, Вознесенского, Егущенко/.

В.И.Шевчук

ТИПОЛОГИЯ САТИРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ЗАПАДНОСЛАВЯН- СКИХ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ XX в.

Теоретической основой настоящей работы является по-
ложение и дефиниция, предложенные и разработанные как
советскими, так и зарубежными учеными — В.М.Жирмунским,
И.Г.Наупокоевой, П.Н.Берковым, М.Б.Храпченко, Д.Ф.Марко-
вым, В.Вольманом, М.Бакошем, Д.Дорешини и др. Исходным
фактическим материалом доклада будут следующие типологи-
ческие ряды и звенья.

1/ Социально-историческая обусловленность и художе-
ственная трансформация идеи "вечной жизни" в произведениях
И.Франко, К.Чапека и Б.Шоу. Чеховский Робот как худо-
жественный синтез "духа времени" и социально-историче-
ская обусловленность обращения к идее этого образа в
произведениях А.Толстого /"Бунт машин"/, С.Кривонова
/"Поэма о роботе"/, Ю.Смолча/"Хозяйство доктора Гальба-
неску"/, В.Владко/"Идут работники"/.

2/ "Политическая и социальная история Партии умерен-
ного прогресса в рамках закона" Я.Гашека и ее социально-
исторический аналог — партия "людовцев" — в романе
Д.Кручковского "Падение перья"; "овинская конституция"
и трагикомедия выборов депутатов австрийского парламента
в произведениях украинских писателей И.Франко, О.Маковея,
Д.Мартовича.

3/ Образ капиталиста Крамаржа в памфлете Я.Гашека
"Протокол II съезда Партии умеренного прогресса..." и в
стихотворении В.Маяковского "Славянский вопрос — то ре-
шается просто" как фактор типологической общности в ху-
дожественной трактовке революционного воздействия идей
Октября на мировое развитие. Устойчивость литературной
жизни образа Швейка и его автора Я.Гашека в произведе-
ниях русских и украинских писателей — М.Слободского/"Но-
вые похождения Швейка"/, Б.Привалова/"Вот таким Макаром"/,
Б.Драбкиной /"Черные сухари"/, П.Козлячка/"Швейк на

Кавказе"/, В. Шахматова /"Швейк-авиатор"/ и др. как явление превращения опосредствованных контактных связей в интернациональное в процессе восприятия литературы и воздействием на их жанровую структуру.

4/ Типологическая общность сюжетных мотивов и антигероических образов рассказа М. Коцюбинского "Кони не виноваты" и шестой сказки М. Горького из цикла "Русские сказки".

5/ Образные аналогии и тематические сходства с романами "Двенадцать стульев" и "Золотой теленок" Ильфа и Петрова в произведениях словака В. Минача /"Производитель счастья"/ и поляка Т. Брезны /"Пер Гальтсара"/. Произведение польского юмориста С. Дема "Звездный дневник Ионы Тихого" в контактах с общеславянской и мировой фантастикой и юмористикой. Юмореска Жарко Петана "Об Ильфе и Петрове слышали?" как свидетельство восприятия опыта советской сатиры в Югославии.

Выводы. Правы те из советских и зарубежных авторов, которые считают компаративистику составной частью истории литературы, а не самостоятельной филологической дисциплиной.

Все контакты — прямые и опосредствованные — носят вторичный подчинительный характер по отношению к типологической общности. Они — лишь форма выражения, но не первопричина явлений. Установление и определение форм связей /воздействий, влияний и т.д./ — не цель, а средство, стадия сравнительного изучения литератур. Цель сравнения литератур — анализ явлений, выходящих за пределы отдельных национальных литератур с тем, чтобы представить последние в контексте региональной общности и мирового процесса.

Предметом сравнительного изучения литератур являются не только сходства, но и различия. Типологические сходства всегда интернациональны, а различия в художественной интерпретации аналогичных явлений всегда национальны. Явлениями типологической общности каждая национальная литература как бы "вписывается" в контекст региональных и мировой литератур, а своими отличиями,

несоответствиям, хронологическими сдвигами в развитии школ, течений, направлений и т.д. — обретает национальное лицо. Литературные регионы и мировая литература отражают типологию художественного мышления человечества определенного исторического периода. Конкретно в типологии сюжетно-образных аналогий славянской саги XIX ст. отразилась эпоха революционного воздействия Октября, победоносного завершения войны с фашизмом и утверждения социалистического строя в странах социалистического содружества.

В.И.Галова

О НЕКОТОРЫХ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЯХ БЕЛОРУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ПРОЗЫ 50-60-х ГОДОВ XX ВЕКА

Сравнительное изучение национальных литератур, в данном случае, социалистической литературы Польши и белорусской литературы социалистического реализма в плане установления оригинальных, своеобразных и типологически общих тенденций их развития, является актуальной проблемой нашей литературоведческой науки. Оно приводит, в конечном счете, к установлению существенных закономерностей мирового литературного процесса, к выяснению вопроса о степени участия в нем каждой национальной литературы.

Исторически обусловленное взаимодействие братских литератур в условиях социалистической общности приобрело качественно новые черты. Молодая белорусская литература еще в начале XX века интенсивно включалась в многосторонние творческие контакты с более зрелыми литературами славянских народов, испытала на себе их благотворное влияние/польский романтизм, Пушкин и русский критический реализм, украинский фольклор и Шевченко, поэтика французских символистов, творчество "буревестника революции" М.Горького/. В своем ускоренном развитии белорусская литература оказалась не только подготовленной для восприятия художественных достижений других литератур, но в это время обратилась к решению коренных проблем общественной жизни, к отражению великих идеалов социалистической революции, успешно преодолевая рубеж между крити-

ческим реализмом и реализмом нового типа.

Развитие социалистического реализма в белорусской литературе и его становление в польской пролетарской литературе 20-30-х годов нашего века определило новаторский характер белорусско-польского литературного взаимодействия. Белорусская и польская литература встретились как равные, взаимно обогащая друг друга своими национальными художественными открытиями.

В условиях современного социалистического сотрудничества, когда происходит утверждение новых гуманистических идеалов и новой социалистической действительности в Польше, процесс литературного взаимодействия значительно углубился. Происходит, как сказал Янка Брыль, взаимное ознакомление: "крупным планом" о культурой наших братских народов. Для нового периода характерно, прежде всего, возникновение независимых от конкретного влияния, но исторически обусловленных типологических аналогий в художественном развитии обеих социалистических стран. Ведущие тенденции современной польской литературы еще кристаллизуются, но на таком важном этапе как 50-60-е годы в польской художественной прозе намечилось то магистральное направление, которое обближает ее с белорусской литературой социалистического реализма. Она эксплоатирует процесс становления нового общества в типических характерах и конфликтах, эстетически охватывая большие и малые, но всегда актуальные проблемы народной жизни.

Гуманистически острое, аналитическое раскрытие истоков фашизма, проблем войны и мира, героизма и предательства, становления нового человека, социалистической перестройки деревни в обеих литературах дает неисчерпаемый материал для установления типологической общности. Типологический аспект исследования прозаических жанров/роман и повесть/у белорусских и польских писателей Ю. Кавальца, Т. Новака, Б. Путрамента, Б. Чешко, последних повестей М. Домбровской и Я. Брыля, К. Чорного, И. Прашникава, В. Быкова и других — позволяет сделать вывод об общих тенденциях в развитии наших литератур, о непрерывном процессе их взаимообогащения.

Они выявляются в общности эстетического идеала, в самом выборе драматических конфликтов, в общности концепции человека и действительности, основанной на передовом философском ее познании.

С.А.Шарлашова

О СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ЧЕШСКОГО И РУССКОГО СТИХА

В истории чешской литературы нового времени споры об основных принципах чешского стихосложения занимают особое место. Впервые правила чешской просодии сформулировал в 1795 г. И. Добровольский, считавший основой ритма в чешском стихе ударение. Теория Добровольского была опровергнута в 1818 году Шафариком и Палацким, которые походя из наличия в чешском языке долгих и кратких гласных считали более подходящей для чешской поэзии метрическую систему стихосложения по античному образцу. На протяжении нескольких последующих десятилетий сохранялась парадоксальная ситуация: в теории победила метрическая количественная просодия, а в поэтической практике господствовал силлабо-тонический принцип. Научное обоснование силлабо-тонической системы предпринял в конце XIX - начале XX века И. Краль.

Позиция Шафарика и Палацкого формировалась под воздействием античных образцов, к переводу которых на чешский язык тогда приступали чешские поэты. И. Краль также подходил к чешскому стиху под углом зрения подыскания чешских эквивалентов традиционным античным размерам/аму принадлежит обширный труд на эту тему, и он вообще был специалистом по античной филологии/, но если Шафарик и Палацкий исходили по сути дела из чисто теоретических постулатов, то Краль опирался на анализ развития чешской поэзии на протяжении всего XIX века. Поэтика Крала была важным шагом вперед, однако она страдала излишней нормативностью.

Широкий размах поэтических переводов в XIX веке заставлял чешских поэтов постоянно решать на практике проблему соотношения чешского стиха со стихом новых ино-

язычных литератур. Здесь одно из важнейших мест принадлежало проблеме перевода русской поэзии, при этом эмпирически разрабатывались различные принципы соответствий. Переводческая практика оказывала воздействие и на развитие оригинального чешского стиха. Так, несомненно влияние переводов из русской поэзии на формирование новочешского ямба.

В 1923 г. в книге "О чешском стихе" Р.Якобсон, используя методологию русской формальной школы, попытался определить некоторые особенности чешского стиха в сопоставлении с русским. В стиховедческих работах чешских структуралистов, в лице Я.Мукарховского значительно продвинувших вперед изучение чешского стиха, сопоставление с русским стихом не играло сколько-нибудь заметной роли. В то же время, начиная с 20-х годов XX века, практика поэтических переводов с русского обогатилась рядом действительно выдающихся достижений/переводы И.Горн из Пушкина, Есенина, Блока, Пастернака; переводы И.Тауфе-ром поэзии Маяковского/.

После 1945 года сравнительное изучение чешского и русского стиха выдвигается в чешском стиховедении на первый план. Особенно часто по этим вопросам выступал Я.Завада, автор "Введения в эстетику русского стиха" /1949/. В сравнительном аспекте работает над проблемами просодии наиболее известный современный чешский стиховед И.Грабак, в трудах которого преобладает исследование чешского стиха в сопоставлении с польским, но также и с русским. Сравнение чешского стиха с русским мы встречаем в стиховедческих работах К.Горалека, которого интересуют прежде всего лингвистические и фольклористские проблемы И.Левого, который подходил к стиху с точки зрения перевода. Многие вопросы теории чешского стиха и на сегодняшний день продолжают оставаться спорными.

В советском литературоведении пока можно говорить лишь о первых подступах к изучению чешского стиха/равно как и стиха других зарубежных славян/в сопоставлении с русским. А между тем этот вопрос представляет большой

интерес в нескольких планах.

Сравнительное изучение будет способствовать уточнению специфических особенностей чешского стиха с точки зрения его теории. Здесь, однако, недостаточно двусторонних сопоставлений: нужно привлечение материала других славянских и неславянских литератур.

Сравнительное изучение чешского и русского стиха необходимо и в связи с широким развертыванием поэтических переводов с чешского языка на русский; переводческая практика здесь пока еще не может опереться на надежную теоретическую разработку чешской прозодии и ее оптимальных русских эквивалентов. Не обобщен в этом плане уже накопленный обширный практический опыт.

Изучение теории и истории стиха — весьма специфическая область литературоведения, тесно соприкасающаяся с лингвистикой. И тем не менее очевидно, что развитие стиха не имманентно, оно тесно связано с общим ходом национального литературного процесса, с проблематикой контактов с другими литературами и должно изучаться с учетом всех этих моментов, без которых это развитие не может быть до конца понято и объяснено.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ ТЕЗИСОВ I

	отр.
Адамович А.М. /Минск/ ..	34
Балашов Н.И. /Москва/ ..	33
Багунов Ю.К. /Ленинград/ ..	60
Будагова Л.Н. /Москва/ ..	51
Вервео Г.Д. /Киев/ ..	17
Витт В.В. /Москва/ ..	70
Волков А.Р. /Черновцы / ..	30
Галова В.И. /Минск/ ..	77
Гольберг М.Я. /Дрогобыч/ ..	45
Горский И.К. /Москва/ ..	29
Григорьян К.Н. /Ленинград/ ..	67
Зуравская И.Я. /Киев/ ..	72
Зейцев В.К. /Минск/ ..	57
Зянднев В.И. /Москва/ ..	13
Ильина Г.Я. /Москва/ ..	70
Кашкин Л.С. /Москва/ ..	22
Коваленко В.А. /Минск/ ..	49
Конев И.Х. /София/ ..	43
Крацов Н.И. /Москва/ ..	15
Крутикова Н.Е. /Киев/ ..	10
Липатов А.В. /Москва/ ..	61
Лихачев Д.С. /Ленинград/ ..	7
Львова Е.П. /Москва/ ..	53
Мальдис А.И. /Минск/ ..	19
Марков Д.Ф. /Москва/ ..	3
Морозов А.А. /Ленинград/ ..	54
Никольский С.В. /Москва/ ..	27

I/ Тексты тезисов расположены в сборнике в соответствии с программой. Некоторые тезисы не были своевременно представлены и потому в настоящее издание не вошли.

Панченко А.М. /Ленинград/	63
Паркин Н.С. /Минск/	24
Ровда К.И. /Ленинград /	37
Смирнов Ю.И. /Москва/	65
Соловьева А.П. /Москва/	68
Цыбенко Е.З. /Москва/	40
Шевчук В.И. /Киев/	75
Шерлягина С.А. /Москва/	79

Подписано в печать 17/IV-1971 г.
Т-06452 Зак. 195 Тир. 200 экз. Объем 5,5 п.л.
Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2

